

П

Р

О

В

И

Н

1960

ОДИНОЧНОЕ ПЛАВАНИЕ

1970

Ц

И

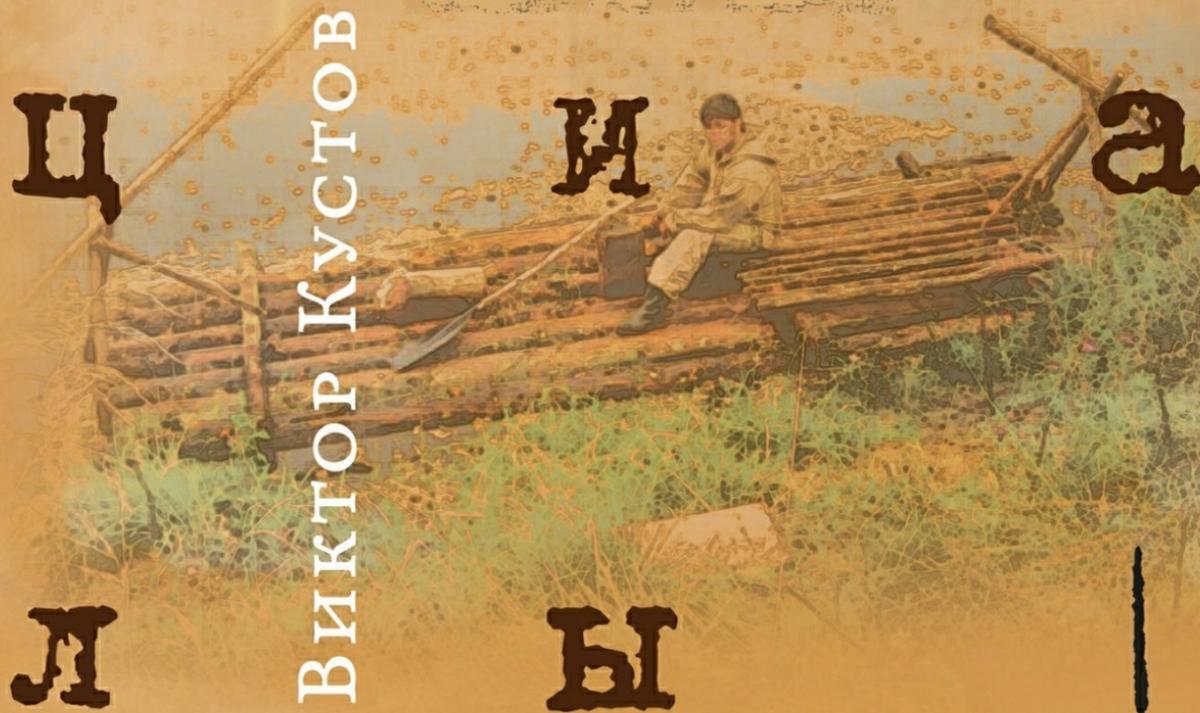
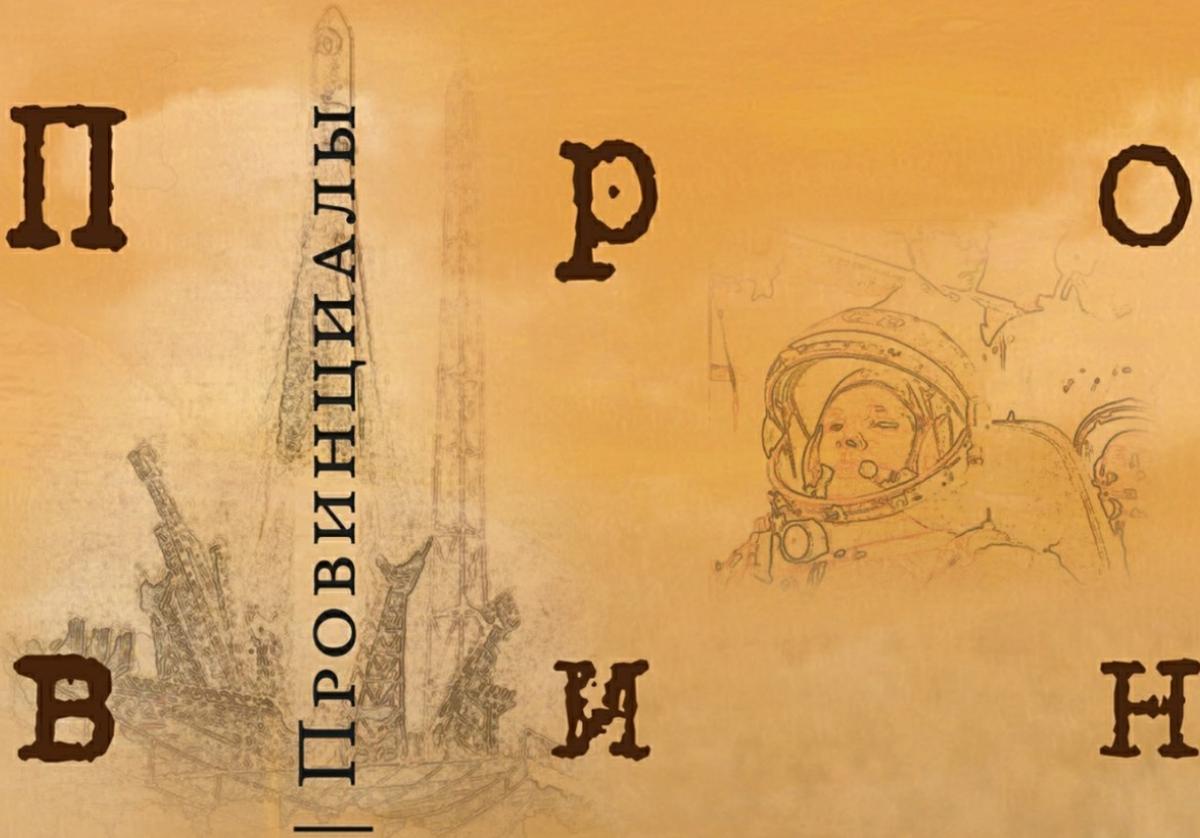
А

ВИКТОР КУСТОВ

Л

Ы

—

Виктор Кустов

**Провинциалы. Книга
1. Одинокое плавание**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Кустов В. Н.

Провинциалы. Книга 1. Одиночное плавание / В. Н. Кустов —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

Первая книга "Одиночное плавание" рассказывает о шестидесяти годах двадцатого века и показывает многогранность провинциальной жизни - сначала на Смоленщине, затем в Сибири, куда волею жизненных обстоятельств переезжает семья главного героя. В ней ярко и точно отражена атмосфера тех лет, перипетии становления молодого человека советской державы. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Чай с малиновым вареньем	5
Половодье	14
Немыкльское озеро	25
Мужские забавы	36
Пионерское лето	46
Дядька из Сибири	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Чай с малиновым вареньем

Каменный мостик через небольшой ручей с крутыми и высокими берегами являлся единственной достопримечательностью города. До войны были еще две: собор, стоявший на левом, крутом, берегу Западной Двины (колокольным звоном он объединял тысячи две домов друг с дружкой да с небесной высью), и добротный, царских времен, большой мост, соединявший две стороны реки. Но и собор с его колокольной, ставшей в военное лихолетье наблюдательным пунктом для корректировки стрельбы, и большой бетонный мост были разрушены во время затяжных боев, когда река на много месяцев стала линией фронта.

Десять лет полуразрушенные толстые стены из красного кирпича напоминали горожанам о греховно забытом Боге. Женщины, живущие на правом берегу, проходя от парома на базар и обратно мимо этих стен, незаметно крестились, мужики кричали, затягивались едкими самокрутками, в который раз отмечая умение старых мастеров: вот ведь, чего только не делали с этими стенами, из каких калибров не били, живого места нет, а стоят...

Обломки моста, быки, торчащие из воды, меньше бросались в глаза – лишь засушливым летом, когда становились естественным спортивным снарядом для пацанов, перепрыгивающих по ним с берега на берег, да заставляли обладателей лодок проходить это место с осторожностью, а катера, не часто, но поднимающиеся в город из Витебска, и вовсе не могли идти выше и, если что и привозили для расположенных в верховьях редких селений, выгружали здесь, у паромной переправы, передавая привезенное хозяевам телег или стареньких грузовиков.

...В то лето, не из самых засушливых, но довольно сухое, удивлявшее вечерними сильными без дождевыми грозами, напоминавшими о войне, в город на запыленных грузовиках приехали саперы. Они обложили оставшиеся стены собора взрывчаткой, и однажды июльским безоблачным утром прогремели несколько взрывов, от которых вылетели стекла в близ расположенных домах, и толстые стены старого собора превратились в ярко-красную грудку обломков кирпича.

Спустя пару дней еще несколько взрывов потревожили горожан, и остатки большого моста разлетелись по реке, освобождая будущий фарватер (в городе открылась лесосплавная контора, а в верховьях Двины начал работать леспромхоз), оставив лишь прибрежные, препятствующие судоходству клетки опор.

Битый кирпич от храма постепенно вывезли, место расчистили, разгладили и сделали широкий спуск к переправе, замостив его булыжником. Теперь через реку на пароме переправлялись не только пешеходы и телеги, но и машины, которые прежде подъехать сюда не могли и преодолевали Двину лишь при крайней нужде за семь километров от города, через брод выше Ястребской головки (самое узкое место), на стареньком военном понтоне, с помощью заржавевшей лебедки. В паводок эта переправа не действовала, как и в ледостав и в ледоход. Паром же ходил до крепкого льда (паромщики каждый день скалывали пешнями нарастающий вдоль тросов лед) и начинал работать сразу же после ледохода.

Реликтовый же мостик, небольшой, всего с десятков метров длиной, но мощный, выгнутый, как спина рассерженной кошки, был на своем месте на правом берегу всегда, соединяя берега ручья, впадающего в реку, и продолжая тракт от далекого Смоленска к столь же близкому Невелю. Говорили, что по нему в свое время проезжала с надзором за своими западными границами императрица Екатерина.

На этой же правой стороне, на окраине города, располагалась контора леспромхоза, и по мостику каждое утро, кроме воскресенья, проходили Жовнеры. Сразу за мостом они расходились: Полина шла налево, к конторе отдела рабочего снабжения леспромхоза, где служила младшим бухгалтером, а Иван торопился к узкоколейке, пересекавшей тракт, по которой

дребезжащая тихоходная дрезина увозила его с лесорубами на делянку, где ночевал его трактор-трелевочник.

Школа, в которую ходил Саша Жовнер, стояла как раз посередине между паромной переправой и каменным мостиком, и улица под окнами его класса периодически наполнялась перестуком тележных колес по булыжникам и тряским урчанием машин. Тогда голос Варвары Ефимовны исчезал в этом шуме, и можно было пошептать с соседом по парте Вовкой Коротким, который на самом деле был самым длинным в классе и самым веснушчатым.

А обсудить было что. Заканчивался апрель, на березах набухли почки, вот-вот должен был потечь сладкий сок, и днем под яркими лучами солнца по песчаным улицам уже бежали ручьи. Лед на реке стал темным и рыхлым, и по нему отваживались ходить только самые отчаянные смельчаки (которым приходилось закраины либо перепрыгивать, либо перебегать по брошенным доскам), и не было дня, чтобы здесь, у самого берега, кто-нибудь не провалился. Суматошно выскакивая на берег, недотепа, на глазах у подростков, играющих в лапту на вытаявшем пустыре, и стариков, сидящих на скамеечке перед большим домом Сопко, покуривающих ядреный самосад, бежал вверх по косогору, отмахиваясь от безобидных шуток насчет срамного места, которое в таких случаях отогревать надо в первую очередь с помощью соседки или, на худой конец, собственной жинки.

Хуже было тем, кто умудрялся провалиться по пути из дома, на той правой стороне. В этом случае бедолага на некоторое время замирал в раздумье, а потом или трусцой продолжал свой путь, или, махнув рукой, торопился обратно на свой берег, уже не осторожничая и с лету преодолевая свою закраину. Как правило, в этом случае такому торопыге везло и он благополучно выскакивал на берег.

Это были последние дни, когда можно было еще покататься на коньках. У Вовки были дутыши, доставшиеся от старшего брата, который осенью ушел в армию и служил где-то на Урале, у Сашки – старые «снегурочки». Они нашли хорошее место: от Вовкиного дома – он стоял как раз там, где ручей впадал в Двину, – вниз по течению, мимо мостовых быков тянулась ровная бесснежная поверхность. Она появилась только этой зимой, когда остатки моста перестали перегораживать реку. Под коньками лед шуршал, потрескивал, прогибался, заставляя сердце быстро-быстро колотиться, а потом на берегу долго еще рассказывать друг другу о самых страшных моментах стремительного и опасного бега...

С каждым днем желающих покататься становилось все меньше и меньше, и теперь выходить на лед из пацанов отваживались только Сашка и Вовка. Из них рискованым считался Короткий, потому что был почти на голову выше Сашки и весил больше. Сашка первым выходил на кромку, потом катил по прозрачному льду, сквозь который возле заводов у камней можно было разглядеть сонных мальков. Но как он ни спешил, на середине дистанции Вовка все равно нагонял его и убегал вперед, и это был самый опасный момент: лед начинал оглушительно рваться, проседать, и Сашка замедлял шаг, уступая без сопротивления.

Но так он поступал только сейчас, когда же лед был крепким, он всегда сопротивлялся до последнего, и нередко они, мешая друг другу, спотыкались и падали, и тогда более легкий Сашка катился на боку, на спине или животе дальше, без усилий оставляя друга позади...

Затарахтела под окнами медлительная телега (одноногий Яшка-цыган вез из пекарни с той стороны хлеб в маленький магазинчик возле школы), и под это нудное тарактенье Сашка задал самый главный вопрос:

– Катнемся после школы?

Вовка задумался.

– Хлипко уже, – прошептал он.

– Трусишь?

– Я?..

– Жовнер! – Варвара Ефимовна прошла к их парте, встала в проходе – Что я рассказывала?

Варвара Ефимовна учила их последний год. С пятого класса у них будет много разных предметов и учителей и еще классный руководитель, и об этом было непривычно и в то же время заманчиво думать.

Сашке было немножко жалко Варвару Ефимовну, которая чем-то напоминала его умершую бабушку Марфу Федоровну.

– Мороз и солнце, день чудесный!

Еще ты дремлешь, друг прелестный...

По тому, как развеселился класс, Сашка понял, что на этот раз не угадал.

– А что еще знаешь из стихотворений Александра Сергеевича?

– Александра Сергеевича?..

– Пушкина, – свистящим шепотом подсказал Вовка.

Обернулась Катя Савина, отличница и самая красивая девочка в классе, окинула его и Вовку снисходительным взглядом.

– Гляжу, поднимается медленно в гору

Лошадка, везущая хвороста воз...

– вдруг ни с того ни сего, хорошо зная, что это стихотворение Некрасова (учили на той неделе), брякнул Сашка, и сам заулыбался, поддавшись общему веселью, одобренному криками, всхлипами, хлопаньем крышек парт и топотом.

– Са-ша... – удивленно протянула Варвара Ефимовна, и он, насупившись, торопливо отбарабанил:

– Я знаю, это Некрасов... Я хотел другое, вот:

Я помню чудное мгновенье,

Передо мной явилась ты,

Как мимолетное виденье,

Как гений чистой красоты...

И замолчал, потому что в классе стало оглушительно тихо, и он посмотрел на Варвару Ефимовну, не понимая, почему все повернулись в его сторону...

– Да, это одно из самых замечательных стихотворений Александра Сергеевича Пушкина, – произнесла Варвара Ефимовна и неторопливо вернулась к столу. – Но мы его не учили, и вы еще не скоро будете изучать... А тебе оно понравилось?

Сашка кивнул.

– И как ты его понял?

– Я?.. Не знаю...

Сашка набычился, уставился в парту, на которой, хоть и замазано было чернилами, можно было прочесть: «Саша+К...». Дальше все было изрезано ножом и букв не разобрать.

– Ну, хорошо... Не будем сейчас говорить об этом стихотворении... Замечательно, что ты любишь Пушкина... Но нужно быть внимательным на уроках. А мы сегодня начинаем изучать басни Крылова... Ты знаешь какую-нибудь?

Сашка помотал головой.

– Ладно, садись и больше не отвлекайся...

Еще раз обернулась Катя Савина, окинула его долгим заинтересованным взглядом и что-то зашептала Наде Беликовой. Та тоже оглянулась, громко фыркнула, наморщив вздернутый носик, махнула головой, и торчащие в разные стороны маленькие косички смешно дернулись.

Варвара Ефимовна продолжила свой рассказ о великом баснописце, который всей душой любил русский народ, живущий в невзгодах, и высмеивал через образы различных зверей богатых не трудящихся граждан.

– Так катаемся или нет? – не спуская с Варвары Ефимовны глаз, нетерпеливо прошептал Сашка.

– Посмотрим, – неуверенно отозвался Вовка. – Какой лед...

– Последний раз...

– Ладно, – решительно кивнул тот.

Теперь, когда было решено, чем они займутся после уроков, надо было придумать, как отомстить этой мартышке Беликовой. Но придумать Сашка ничего не успел, в коридоре раздался дребезжащий звон колокольчика, который тетя Даша трясла самоотверженно, с чувством исполненного долга, отчего звук его был громким и неприятным, и крышки парт радостно захлопали...

– Побежали!

Сашка догнал у двери Беликову, дернул ее за косичку, побежал дальше по коридору, зная, что она сейчас старается его догнать, и, на ходу вдевая руку в куртку, сшитую из отцовской шинели, выскочил на школьный двор. Здесь он легко увернулся от наконец-то догнавшей его Беликовой, подождал Вовку, вышедшего вместе с Катей, пошел с ними рядом.

– Мимолетное виденье... Это кто же, интересно? – не успокаивалась Беликова, не оставляя надежды достать его портфелем, и он огрел ее сумкой с учебниками и тетрадками.

Она замерла и неожиданно жалобно произнесла:

– А я Варваре Ефимовне пожалуюсь...

– Жалуйся, – легко согласился Сашка, хотя Надька вполне могла наябедничать, а Варвара Ефимовна потом вызвала бы в школу мать, и он лишился на несколько дней вечерних гуляний.

– Ты не дразни его, – неожиданно вступилась Катя Савина. – Сама виновата.

– Я виновата? – удивилась Надька. – Кать, ты чего?.. Он меня за косичку дернул...

– Потому что ты ему нравишься. Ты и есть виденье, – сказала Катя, и Сашка почувствовал, что краснеет.

– Вот еще... – взвился он. – Да нужна она мне...

– А кто же тогда?..

Катя посмотрела на него, он встретился с ее взглядом, в котором не было никакого любопытства.

– Что вы к нему пристали, – вступился Вовка. – Я сейчас обеим косы оборву...

Он оглядел сверху всех троих, приподнял и опустил длинную Катькину косу.

– Да ну их. – Сашка перехватил поудобнее сумку. – Пошли быстрее, у нас дело есть...

– Какое это у вас дело? – ехидно поинтересовалась Беликова.

Косички ее опять заманчиво закачались, Сашка с трудом сдержался.

– А они на коньках вдоль берега гоняются, – сказала Катя. – Я их видела.

– Да ты что? – Глаза у Беликовой стали совсем круглыми, курносый нос еще больше загнулся вверх. – И сейчас гоняются?

– А куда они еще могут торопиться, – догадливо произнесла Катя.

– Вам какое дело... – миролюбиво откликнулся Вовка. – Ну, гоняем...

– Опасно же? – испугалась Надя. – Я видела, как вчера дядька один провалился. Чуть не утонул совсем...

– Давай посмотрим, как они гоняют, – предложила Савина и взглянула на Вовку. – Хотя они передумают...

– Да нам-то что, – отозвался он. – Хочется – смотрите.

– А когда?

– Переоденемся – и айда, – неожиданно сказал Вовка, продолжая глядеть на Катю.

– Что ты им все рассказываешь, – Сашка дернул друга за рукав короткого, доставшегося от старшего брата пальто. – Нечего им на нас пялиться.

– Хотят, пусть смотрят.

– Пошли ко мне, – повернулась Катя к подруге. – Пока они переоденутся, мы с тобой чаю с малиновым вареньем попьем... Успеем посмотреть, как они тонуть будут...

– Вот и пейте свой чай... Дотемна, – пожелал Сашка и на прощанье толкнул Беликову в спину...

На этот раз она его уже не догнала.

...Переодеться и Сашке и Вовке – что переодеться: только штаны другие, постарее, натянуть да вместо куртки и пальто надеть телогрейки. Вовка еще поест что-то успел, пока Сашка к нему через ручей бежал, и даже свои дутыши примотал. Сашка плюхнулся рядом на днище перевернутой лодки Петрухи-рыбака, отдышался, стал «снегурочки» привязывать, исподволь наблюдая за другом.

А тот уже по доске промоину прибрежную перешел и на лед встал. Треск далеко укатился, Вовка назад на доску вскочил. Сашка палочкой веревку крепления крутить перестал. Но ничего, выдержал лед. Вовка еще раз на него встал, оттолкнулся, покатился неторопливо вдоль берега, и тут уже Сашке медлить нельзя было, мигом второй конек закрепил, доску пробежал и, не осторожничая, следом заторопился, стараясь обогнать треск...

Вовку он догнал за бетонными быками, перед паромной переправой, где на крутом берегу стояла скамейка, от которой до Каткиного дома ближе, чем до Вовкиного.

Катка с Беликовой уже на берегу торчали (наверное, чай с вареньем пить не стали), на этой скамеечке чинно сидели, и вокруг них мелкотня увивалась из барака, который за спуском на паром стоял. А еще взрослые пацаны подошли, это Сашка увидел, а вот кто именно, разглядеть не успел, на остановившегося Вовку наскочил.

А дальше все так быстро произошло, что сообразить ни он, ни Вовка не успели: все вокруг затрещало, ноги разъехались, и вместе с поднимающейся вверх водой до макушки захлестнул страх, а ноги с коньками все опускались и опускались, не встречая опоры, и Сашка стал цепляться руками за встающие торчком льдины, за Вовкину руку, но это лишь замедлило погружение, и наконец вода коснулась лица и накрыла его с головой. И только тогда он ощутил дно под ногами, подпрыгнул, глотая воздух и пытаясь дотянуться до чего-то чернеющего впереди, но валенки потянули назад, вода опять обожгла лицо, и снова пришлось отталкиваться, пугаясь все больше и больше, но на этот раз наверху его подхватила за ворот Вовкина рука, и он, прежде чем вновь уйти вниз, успел разглядеть Вовкин, задранный над водой, подбородок и где-то далеко и размыто – сбегających по тропинке парней, а еще выше мелькнули теперь уже не празднично сидящие, а напряженно замершие фигурки одноклассниц и застывшая вокруг них малышня...

На этот раз он пробыл под водой совсем мало, Вовкина рука не отпустила его, потянула за собой, и он нащупал концами «снегурочек» где-то внизу дно, одновременно вытянув нос над водой, и так, медленно, разгоняя льдины в стороны, они побрели к ожидавшим их на берегу парням...

– Ну, вы учудили, – встретил их Петька Дадон. – Кто же на коньках сейчас катается, на днях лед пойдет...

– А и утонули бы, – пробасил его друг Тимоха, широкоплечий переросток, выдергивая Вовку, а за ним Сашку на берег. – А мамки бы потом выли...

– Не утонули же, – отмахнулся Вовка, опускаясь на грязные камни и отвязывая коньки.

Сашка, трясаясь от холода и испуга, сел рядом, вылил воду из одного валенка, потом из другого, натянул их на мокрые штаны, хотел снять телогрейку, но Петька его остановил.

– Гони домой, малец, – скомандовал он. – Да на печку сразу залазь, а то захиреешь... И ты, Длинный, давай домой... – хлопнул по плечу Вовку. – По-шустрому...

– Мальчики, как же вы так... – вывернулась из-под его руки Надька Беликова, глядя округлившимися, испуганными глазами.

Катя обошла ее, сверху вниз посмотрела на сидящего и так же начинающего дрожать Вовку, неожиданно предложила:

– Пойдемте к нам чай с малиновым вареньем пить, он от простуды помогает...

– Катюха, ты лучше нас пригласи, – сказал Петька, проводя пальцем по наметившимся усам. – Они же тебе все полы дома зальют...

– А ты не тонул, – прищурилась та. – И не мокрый.

– А я бы попил с малиновым, – шелкая зубами, сказал Вовка, поднимаясь и старательно притопывая, чтобы скрыть дрожь. – Вот переоденусь и приду... А ты, Санек?..

Он несильно толкнул друга в плечо, и тот запинаящимся голосом с трудом выговорил:

– Я то-о-же... Пере-о-оде-е-нусь...

– Ладно, валяйте домой, – скомандовал Петька. – Да по печкам, какие там чаи... И мы с Тимохой потопали, раз Катька нас в гости не зовет...

Она что-то ответила, но Сашка уже ничего не слышал и никого не видел: он неуклюже бежал, с трудом поднимая тяжеленные валенки и крепко сжимая в руках холодящие коньки, ощущая, как телогрейка становится все жестче, а его тело меньше, и пугаясь, что ему совсем расхочется двигаться.

Вдруг непонятно откуда возникли в памяти строки:

...«Отец, слышишь, рубит, а я отвожу...»

В лесу раздавался топор дровосека.

«А что, у отца-то большая семья?»

«Семья-то большая, да два человека

Всего мужиков-то, отец мой да я...» –

и он стал повторять их, не понимая смысла, не помня, откуда они, но приноравливаясь к их ритму, и бежать стало легче, тело вновь стало увеличиваться, заполняя холодное пространство под одеждой, и когда он ввалился в сени, ему уже было совсем тепло... Он вылез из подмерзшей телогрейки, поставил ее возле печурки, скинул валенки и забросил их на еще теплую печку, стянул штаны и все, что на нем было, голенький пробежал в комнату, нашел в комод чистые трусы, майку, надел школьные штаны, подумав, достал из-под кровати новые, купленные к весне и еще ни разу не надеванные ботинки, взглянул на мокрую одежду, вздохнул, понимая, что вечером нагоняя не избежать, и не стал ничего убирать, накинув куртку, выскочил на улицу.

...Вовка тоже переоделся, но ему повезло меньше: мать раньше пришла с дежурства и, причитая и ругаясь, уже терла мокрую одежду в корыте, а телогрейка висела на ухвате перед растопленной печкой.

– Куда?! – кинулась она вдогонку и, поняв, что сына не остановить, крикнула: – Иди, пальто накинь!.. Чахотку заработаешь...

Вовка помедлил, но все-таки вернулся, вспомнил чахоточного Петруху-рыбака, и вышел в пальто, но застегиваться не стал.

– ...А ничего, – бодро произнес Сашка, – прокатились что надо...

– Ну да, matka тебе вечером выплет...

– Не выплет, – насутился тот, но настроение испортилось.

Остальную часть пути прошли молча.

У калитки перед Катькиным домом затоптались, каждый уступал дорогу другому, и неизвестно, как бы долго это продолжалось, если бы в окно их не увидела Беликова и не выскочила во двор.

– Ну что вы там застряли? – распахнула она калитку. – Давайте быстрее, чай остывает...

Сашка еще ни разу не был у Савиных. Он первым, с любопытством оглядываясь, осторожно прошел по вымощенной булыжником дорожке (точно таким же, как на улице на той стороне от парома, к центру, – ее мостили пленные фашисты, когда еще Сашка не родился) к деревянному крыльцу, выкрашенному голубой и белой краской.

Вовка его обогнал и первым вошел в дом.

Сашка заторопился за ним, снял в сенях ботинки, по пестрым дорожкам прошел в комнату, где за столом перед дымящимися чашками их ждала незнакомая девочка. И только привыкнув к солнечному свету, падающему из окон, и приглядевшись, он узнал в ней Катю. Она была в красном в цветочках коротком платье и с распущенной косой. Но от этого увереннее себя не почувствовал и присел на край выгнутого стула, продолжая разглядывать эту незнакомую девочку. И что-то в ней было такое, отчего вдруг вспомнились слова Александра Сергеевича Пушкина: «...как мимолетное виденье...», но тут она отошла в сторону, свет из окна вновь ослепил его, он прикрыл глаза, а когда открыл, незнакомой девочки уже не было, а рядом Катя накладывала ему в розетку малиновое варенье.

– Вам надо пить горячий чай. Лучше варенье размешать прямо в нем, – назидательно произнесла она (совсем как Варвара Ефимовна) и сама положила ему в стакан две ложечки варенья. – Если не сладко, добавляйте из розеток.

– Спасибо, – неожиданно вырвалось у Сашки.

Он взглянул на Вовку. Тот уже громко швыркал чай, отправляя перед каждым глотком ложечку с вареньем в рот.

– Вкусное варенье, – сказал он. – Теть Валя варила?

– Бабушка. Маме некогда.

Сашка отпил глоток, зацепил немного варенья на кончик ложечки, положил в рот.

Варенье действительно было вкусным и пахучим. Оно напомнило лето и Вовкин сарай, где ночевали козы, на чердаке в сене хранилась антоновка и осенью стоял яблочный аромат и куда они с Вовкой, когда козы паслись, залезали и, похрустывая яблоками, обсуждали свои дела. Прошлой осенью они попытались там же покурить папиросы, сделанные из сухих листьев, и чуть не сожгли сарай. Хорошо, дядя Гена, Вовкин отец, приехавший с заработков на отдых (он плотничал по окрестным деревням и бывал дома не часто), зашел прибрать за козами и сразу выбросил загоревшееся сено на улицу. Тогда они получили по увесистому подзатыльнику, а Вовке потом еще досталось и ремня. Теперь в сарай они забирались украдкой и курить больше не пытались.

– ...Мы с Катей испугались: ну все, утонули наши мальчишки, тебя совсем не видно, с головой ушел, а Вовкина шапка видна была... – делилась впечатлениями Надька Беликова.

– Я на дно встал, там как раз еще камень... – сказал Вовка, вытирая нос рукавом и продолжая налегать на варенье.

– Петька бы их вытащил, – сказала Катя. – Он выше всех.

– Петька просто взрослый, – буркнул Вовка. – Когда я стану взрослым, я буду выше его.

– Конечно, ты будешь выше... И ты молодец, Саша мог утонуть, если бы не ты... – похвалила она.

– Не утонул бы, – обиделся Сашка. – Я тоже дно достал.

– Ну и что, что достал, все равно тебе было с головкой, а Вовка тебя вытащил, – вмешалась Беликова. – Он – настоящий друг. И его надо наградить медалью «За спасение утопающего».

– Это кто утопающий? – Сашка положил ложечку на пустую розетку, отодвинул недопитый чай, угрюмо уставился на Беликову. – Ты еще поговори тут...

– А я его не тащил, – вмешался Вовка, облизывая ложечку и с сожалением поглядывая на пустую розетку. – Так, попался под руку...

– Тебе еще?

Катка добавила варенья Вовке в розетку.

– Саш, а тебе?

– Спасибо... Не буду...

– Тебе надо хорошо прогреться...

– А он заболеть хочет, чтобы в школу не ходить, – ехидно заметила Беликова.

– Никто не хочет болеть, – не согласилась Катя. – Вон Петруха-рыбак всем говорит, что за здоровье все бы отдал, даже мотор лодочный... (У Петрухи-рыбака был самый сильный в округе лодочный мотор.)

– А он хочет, – упрямо повторила Беликова. И ни с того ни с сего добавила: – И вообще, у меня голова от него болит.

Сашка непонимающе взглянул на Беликову, голова от него постоянно болела только у мамы.

– Ты меня за косы дергаешь, а у меня голова болит, – пояснила она таким голосом, словно собиралась заплакать, Сашке вдруг стало ее жалко и он сказал:

– Я больше не буду.

– Вот и хорошо, – обрадованно хлопнула в ладоши Катя. – Вот и помирились...

И взглянула на Вовку.

Тот уже доел варенье и облизывал ложечку.

– Еще?

– Не надо...

Он довольно откинулся на стуле, огляделся, спросил:

– А чего Сашка не доел?

– Я не хочу больше, – отозвался тот.

– А мне тепло стало, – признался Вовка и повернулся к Кате: – А родители скоро придут?

– Мама еще не скоро, а папа в командировке...

Каткин папа был снабженцем в райпо и в командировки ездил часто, поэтому Сашка его почти не помнил. Только блестящие сапоги и модный драповый (мать так говорила) пиджак и брюки-галифе.

Таким он его запомнил с того дня, когда их принимали в пионеры.

Каткину маму, тетю Валю, он видел несколько раз. Она была невысокой, красивой и, как ему казалось, очень доброй. Она работала заведующей каким-то служебным буфетом в городе, на другой стороне, рано уходила на работу и поздно приходила.

– Не болейте, мальчики, – вдруг просительно произнесла Беликова, и все трое удивленно посмотрели на нее.

– Ты чего, Надюха? – вдруг сорвавшимся голосом спросил Вовка. – Видишь, мы чаю с малиной напузырились, теперь не заболеем.

Но Надька все равно зашмыгала носом, и Катя стала ее успокаивать и даже вывела в другую комнату.

Надька жила с матерью, отец был художником и жил в Смоленске.

Раз в год, как правило в сентябре, он приезжал к ним, привозил Надьке подарки, гостил несколько дней и снова уезжал. Когда он приезжал, Надька с гордостью ходила с ним по улицам, а тетя Ксения стеснялась, потому что работала нянечкой в больнице и была не чета художнику (так говорили взрослые).

– Ладно, нам пора идти, – поднялся из-за стола Вовка. – В гостях меру знать надо.

– Попейте еще, – появилась из другой комнаты Катя, а следом за ней, промокая белым платочком под глазами, вышла Надя.

– Да мы же не лошади, – брякнул Вовка и тут же исправился: – Очень вкусно было...

– Саня... – Надя тронула Сашку за рукав. – Давай не будем ссориться... Никогда...

– А я... – Он хотел сказать, что это оттого, что она вредная, но посмотрел на нее и только добавил: – Ладно...

– Дай честное слово, что ты ее не будешь дергать за косы и бить сумкой, – вмешалась Катя.

– Да я...

– Дай ты им слово, – сказал Вовка, надевая пальто. – Чего тебе стоит...

– Нет. Слово должно быть твердое, как у взрослых, – неожиданно серьезно произнесла Катя. – И ты тоже, Вова, меня больше не задевай... Давай просто дружить...

– Ладно, будем просто дружить, – миролюбиво согласился тот.

– А ты, Саша?

– Будем дружить... – послушно кивнул он и стал торопливо зашнуровывать ботинки.

– Хорошо, мальчики... Хорошо, что вы не утонули, – со вздохом облегчения произнесла Надя.

Они торопливо прошли через двор, выскочили на улицу, и Вовка наконец выпалил с трудом удерживаемое:

– Ну и дура эта Беликова. Мало ты ее колотил...

– Теперь все, – вздохнул Сашка. – Слово дали... Дружить...

– Да ладно, подумаешь, слово...

– Нет... Раз дали, надо держать...

– погоди вот, матка вечером тебе выплет, и подраться захочется...

– Не выплет, – огорчился Сашка и заторопился: – Я пошел, надо кур покормить, мамка просила...

– Я тоже уроки учить пойду...

Они махнули друг другу и неохотно разошлись...

Половодье

Ледоход начался вечером в субботу.

Мужики с прибрежной и окрестных улиц, придя с работы, собрались на берегу, рассевшись на скамейках возле домов (хозяева и кто постарше), стоя кружком на пустыре (молодые парни) или пристроившись на перевернутых лодках недалеко от воды (владельцы этих самых лодок и заядлые рыбаки). Дымили, неторопливо обменивались мнениями, глядя на ноздреватый, уже отбитый от берегов, но еще неподвижный лед, и ожидали. Бабы тоже появлялись на берегу, но не празднуя, а с какой-либо целью: то воды зачерпнуть, то что прополоскать, то мужу выговорить за пустяшное ротозейство.

Мелкотня шныряла тут же, с деревянными пистолетами и саблями гоняясь друг за другом, по очереди зашибая носы, пачкая одежду зеленой, начинающей вылезать травкой и получая нагоняй от отцов.

Пацаны же постарше кружили по берегу, но долго ждать уставали и возвращались на пустырь, где вяло, без обычного азарта, отбивали лапту. А сверстники Петьки Дадона пристраивались к вышедшим на берег старшекласникам, наравне со взрослыми дымили папиросами и обсуждали предстоящее сезонное событие и скорое начало танцев в городском парке на большой стороне.

В мужских компаниях и на скамейках пришли к единому мнению: ежели сегодня не двинется, то ночь еще простоит, а уж наутро или на худой конец к полудню обязательно двинется. Кто-то уже слышал, а теперь пересказал, что вверху за Селезнями – чистая вода и только на Ястребках все застряло, затор вровень с берегами, а вода подпирает так, что лодки бы надо повыше перетащить: как начнет глыбами берег утюжить – их смахнет...

Предложение поддержали, гуртом скатились по глинистому берегу к лодкам, не разбираясь, где чья, играючи перекинули их выше, под самый обрез берега, куда вода на памяти никогда и не подымалась, и в общем гвалте чуть не пропустили начало ледохода. Хорошо, пацаны загалдели, сбежались с пустыря на берег, заслышав треск, и все мужики успели рассестись удобнее, курево достать и созерцать движение льдов, как и положено, – не суетно.

Сначала ноздреватое и отдающее синевой от пропитавшей воды ледяное полотно двинулось медленно, нехотя, уступая невидимому отсюда насилию, кое-где даже пытаясь сопротивляться, упираясь краями и со скрежетом наползая на берег, но напор становился все сильнее, сопротивление уже не задерживало набиравшее скорость движение. Глядя на перетираемые на берегу строптивые льдины, дымя «беломориной», Иван Жовнер и в этот ледоход вновь сравнил его с другими половодьями, которые пришлось видеть на иных реках. И даже с войной... Вот так было под Сталинградом, когда, как и этот ледоход, никакое сопротивление фашистов уже не могло сдержать победоносное наступление наших войск.

Вместе с этим вспоминались реки там, на чужбине, на берегах которых остались лежать его друзья-товарищи, кому не суждено было увидеть ледоходы на своих реках... Да и не только ледоходы...

Он всегда поминал Кирилла Евсеева, могилку которого сам подравнивал саперной лопаткой на берегу безымянной для него речушки, а внизу ползли чужие льдины последнего военного ледохода. И сержант Евсеев был последним в их разведвзводе, кто погиб на той войне, когда уже и погибать-то никто не должен был, но сопливый патриот-снайпер, воодушевленный фюрером, выскочил из своей детской и в упор выстрелил в улыбающегося Евсеева, не ожидавшего, что в таком чистеньком и уютном домике его может подстергать смерть. Иван выбил тогда автомат из худых белых рук подростка, не сдержался, ударил наотмашь по большим испуганным глазам так, что тот растянулся вдоль стены и долго не мог очухаться, бросился перевязывать сержанта, но он только и успел, что взглянуть на Ивана и удивиться произошедшему...

И с этим непонимающим удивлением ушел из этого мира...

– Пацаны, чью-то лодку тащит!.. – разнесся над берегом мальчишеский крик.

И теперь даже подслеповатый дед Сурик разглядел, что затираемое льдинами темное пятно, продвигающееся вдоль берега, не нагромождение бревен, как он думал прежде («Вот бы эти бревнышки багорком да на бережок, за лето просохнут, хорошие дрова...»), а небольшая лодка.

– Видно, сорвало... Только не признаю, чья... – со свистом вдыхая воздух, произнес Петруха-рыбак и надрывно закашлялся.

– Достать надо бы, – произнес кто-то из мужиков. – Расстроится хозяин...

– Оно точно, – оглянулся Иван и спросил Сурика: – Дед, багор-то у тебя есть?

– А как же... – Тот поднялся со скамеечки, пробежал, шустро переставляя худые ноги в больших валенках в свой двор, вернулся, с трудом удерживая на весу длинный неровный шест, на конец которого был надет ржавый железный крюк. – А как же, у реки и без багра... А бревно пойдет как...

– Давай.

Иван Жовнер перехватил багор, подкинул, поймал другой рукой, прикидывая, как ловчее его держать, и стал спускаться к воде.

– Вань, один не вытянешь, я помогу... – Прыгнул следом с берега Степан Ермаков, зять деда Сурика, живущий на другом краю, в леспромхозовском доме, и специально пришедший посмотреть ледоход и «раздавить» с дедом по этому поводу чекушку. Правда, чекушку они выпили, не дождавшись начала ледохода, и теперь Степан маялся, виноватясь за свою нетерпеливость и понимая, что исправить положение можно только, отметив настоящее событие новой чекушкой.

Он заскользил по глине и, если бы не Иван, так и укатил бы в реку, но тот вовремя выставил багор, и Степан обхватил шест, остановился, стараясь удержать равновесие.

– Вдвоем не справятся, – сипло сказал Петруха-рыбак. – Я б помог...

– Да чего уж, поможем... – Однорукий Николай Касиков (потерял левую еще в финскую, но в войну партизанил где-то под Витебском), осторожно ставя начищенные сапоги и умудряясь их не запачкать, спустился, встал так, чтобы можно было правой рукой перехватить шест – Бронька! А ты что багор зажал... Давай, тащи, не жмоть, одним не сможем...

Бронька Сопко, сосед деда Сурика, мордатый крепыш (служивший полгода в полициях, вместе с батькой, расстрелянным потом, отсидел четыре года, считался теперь инвалидом и нигде не работал), кинулся в свое подворье. Старая Сопчиха, слышно было, не хотела давать багор, но он все-таки добился, принес хорошо слаженный, на белом ровном и легком шесте, острый, отбивающий солнце (не то что дедов), и, торопясь, оскальзываясь (лодка была уже совсем рядом), спустился к ним.

– Можя, еще помочь кому? – крикнул сверху кто-то из мужиков, но Иван махнул рукой, приглядываясь к уже побитой льдом и, может, совсем не стоящей того, чтобы доставать, лодке.

– Мешаться только...

Пройдя несколько шагов вперед, сказал Броньке, не выпускающему из рук свой багор:

– Я зацеплю с носа, а ты корму... Степан, подмогнешь ему, а ты, Николай, ко мне иди...

Касиков подбежал в самый раз. Иван уже багор накиннул, потянул, и помощь пришла как раз кстати, тем более, что у Касикова хоть одна рука, но по силе что две любого из мужиков, – нос лодки так и рванулся к берегу, а Бронька со Степаном промедлили, завозились, затоптались на скользком берегу, и как Броньку его же багром скинуло в воду – никто не заметил, только и увидели, как тот выпученными глазами хлопал, на берег вылезая, да Сопчихин голос услышали.

(Вот ведьма, и как увидела-то со двора?..) Но Иван уже отвлекаться не стал, крикнул Степану, чтобы тот помощничка вытаскивал, а сам на ладони сплюнул, Касикову приналечь велел, вдвоем поднатужились, рванули да и скинули лодку со льда в воду, а потом и к берегу

подтащили, а тут Петька Дадон со своими дружками наскочил, – тем силушку девать некуда, – на руках ее к остальным лодкам и вынесли.

– Однако, Пантюхина это лодка, – просипел Петруха-рыбак.

Пантюха, или Пантелей Смирнов, был бобылем, появился в городе после войны неизвестно откуда и по какой причине. Был он молчалив и нелюдим. Жил на самом конце приречной улицы, и за его домом сразу начиналось старое кладбище, на котором он работал сторожем. Пацаны его побаивались и, бегая в орешник, начинавшийся сразу за кладбищем, дом обходили.

За орешником шли покосные луга, но говорили, что скоро уже и там начнут выделять участки, и тогда малая сторона города догонит большую, на которой, аккурат напротив кладбища, недавно выросли мебельная фабрика и поселок из двухэтажных кирпичных домов.

Туда же перенесли из центра базар, и Пантюха в воскресные дни на своей лодчонке перевозил баб, укорачивающих путь до базара и с него на добрых пару-тройку километров.

Бронька Сопко, мокрый, измазанный в глине по самую макушку, наконец поднялся на берег, побежал, выставив вперед такой же измазанный багор, в свой двор, и оттуда разнесся басистый голос Сопчихи, возвещавший, что Броньке досталось на орехи и за багор, и за купание...

– Не, не Пантюхина, – покачал головой Степан, провожая взглядом большую, сохранившую белизну льдину и с тоской вспоминая, что нечем отметить праздник... – У него больше... Пять женок сажает...

Петруха-рыбак возражать не стал.

Иван Жовнер достал пачку папирос, протянул однорукому Касикову. Тот ловко, двумя пальцами, выдернул папиросу, поднес к огоньку трофейной зажигалки.

Задымили, не спуская глаз с реки, словно боясь пропустить что-нибудь важное.

– В сорок втором по таким вот льдинам от карателей убегали. – Касиков затянулся. – Только командиров пацан и не искупался... Легкий был и быстрый... Первым перебежал... А на берегу мина накрыла...

Так и схоронили в воронке, все, что собрали...

Он бросил окурок, придавил носком сапога.

– Надо людям сказать про лодку-то, – напомнил дед Сурик. – Робят отправить, хай пробегут вверх...

– Санек! – крикнул Иван, отыскивая глазами среди пацанов сына. – Иди сюда...

Подбежал Сашка, выжидательно замер.

– Сбегайте с дружками до Пантюхи, скажите: лодку поймали, не его ли?.. И по пути спрашивайте...

– Ага...

Сашка махнул Вовке, за ними увязались еще несколько пацанов, и они шумной ватагой пошли по улице...

Громко хлопнула калитка. Появился Бронька, уже в других штанах, телогрейке, чистый, довольный вниманием. Потеснил сидящих на его скамейке мужиков.

– Отмылся? – поинтересовался Степан.

Тот кивнул, расплылся в улыбке.

– Однако, заболеешь ты, Бронь, – сказал Степан.

Тот испуганно вскинул глаза.

– При такой катавасии обязательно надо внутрь принять, – продолжил зять деда Сурика. – Мы в артиллерии никаких лекарств не признавали, сто сталинских примешь – и хвороба отлетает...

Бронька молча моргал, не понимая, куда тот клонит.

– Н-да, – вздохнул Степан и уже прямым текстом пояснил: – Тащи маткин самогон, полегчимся и заодно событию отметим...

– А-а... – опять разулыбался Бронька. – Сейчас спрошу...

На этот раз Сопчиха не кричала, а лишь что-то нашептывала, никто не смог разобрать, о чем шла речь во дворе, но скоро у калитки появился не Бронька, а она сама, как всегда в черном длинном платье и черном платке, надвинутом на самый лоб, с двухлитровой бутылкой в руках. Оглядела сначала мужиков, сидящих на ее скамейке, потом скамейку перед домом деда Сурика, задержала тяжелый взгляд больших глаз на Степане, отчего тот передернул плечами и потянулся за новой папиросой.

– Событью, говоришь, отметить...

Голос у Сопчихи всегда был зычным, даже когда в доме командовал мужик. Дед Сурик, помнивший ее еще девкой, рассказывал, что многие парни из-за этого голоса и не женихались с ней. Вот и досталась ядреная молодуха приехавшему чужаку, у которого ни роду ни племени не было, даже фамилию жинкину взял, а потом оказалось, что родичи-то есть, но в проклятой Германии...

Степан собрался было ответить, какое событие он имел в виду, но она поставила бутылку на край скамейки, откуда только что поднялся Бронька, сказала:

– Отметь событием, помяни мужика моего, сядни как раз душа его и отлетела...

– Да я вообще-то... – начал было Степан, но она, поманив за собой сына, уже скрылась во дворе, и он не успел ничего объяснить.

Пока, раздумывая, чесал затылок, вышел Бронька, поставил рядом с бутылкой стакан, положил полбулки черного хлеба, шматок сала, нож, сделанный из немецкого штыка.

– Вот, матка дала...

Улыбнулся, оглядывая мужиков, и те понимающе покивали: что взять с придурка...

Степан сплюнул папиросу, потер руки.

– Помянуть человека тоже не грех...

Ловко нарезал сало, хлеб, плеснул в стакан.

– Испытаю...

Выпил, сморщился, бросил в рот корочку хлеба, пожевал вдумчиво.

– А что, мужики, первачок...

Уже весело налил полстакана, поднес деду Сурику. Тот помедлил, словно чего-то вспоминая, потом перекрестился.

– Царство небесное рабу твоему, – еще раз перекрестился. – Хоть и вредный был, но такого ж людского стада... – медленно, словно процеживая, выпил, крикнул, пожаловался: – На сальце зубов не хватат...

– Что ж ты, дед, людей стадом обзываешь? – спросил Иван. – Вроде не скотина мы...

– Не, Вань, не скотина, скотина добрее, своих не забивает... А стадо, потому что без пастыря не моём... Николашка был, царь значит, потом Ленин, потом Сталин, значит... нынче этот кукурузник, башковитый...

Степан поднес стакан Ивану. Тот помотал головой.

– Не за что пить...

– Ты ж слышал, помяни усопшего...

– Врагов не поминаю.

Бронька перестал улыбаться, насупился.

– Что было, то прошло, быльем поросло, чего вспоминать. – Степан приблизился к Ивану, прошептал: – За ледоход выпей...

– Не буду, – отодвинул тот его руку со стаканом.

– Не хочешь, нам больше достанется.

Степан протянул стакан Касикову, но и тот мотнул головой и произнес:

– Пацаны возвращаются...

Сашка еще издали выпалил:

– Не Пантюхина это, он сказал, что она сверху шла, наверное, деревенских...

– Точно, скорей всего из Селезней, – согласился Петруха-рыбак, принимая от Степана стакан. – Там такие я видел...

Начал пить, но так и не допил, зашелся в кашле, судорожно глотая воздух, и Степан вовремя успел перехватить стакан. С жалостью посмотрел на тщедушного чахоточника, пошел дальше обносить мужиков неожиданным самогоном, прикидывая, чтобы еще на раз, а может, и более хватило, чтобы можно было потом вспомнить, какой славный был ледоход в одна тысяча девятьсот шестьдесят втором году...

– А ить идет, – радостно сказал он, взглянув в сторону реки. – К завтраму весь сойдет...

– Не упрется на косе – сойдет, – подтвердил дед Сурик.

– В сплавной уже катера красят, – вставил молчаливый Михаил Привалов, мужик степенный и работающий. Огород Привалова упирался в дедов, и там, возле межи, Михаил начал ставить баньку, чем дед был недоволен. Сам он эту зиму работал в кузне при сплавной конторе, а до этого и плотничал, и лес валил, и дома ставил вместе с Генкой Коротким.

У Привалова было три девки, выродившиеся одна за другой, боевая жинка, работавшая продавщицей в сельпо и откликавшаяся на одно, без отчества, имя, так ее все и звали, и малые и старые: Нинка, хотя девки уже вытянулись с самого Привалова и всю невестились, гляди, не сегодня-завтра в подоле принесут. Старшую, русоволосую Вальку, по вечерам под раскидистым кустом сирени тискал Петька Дадон. Но ни Валька, ни остальные, хоть целоваться и давали, большего не позволяли, и у Петьки все руки были в синяках да ссадинах, оттого что Валька и отбивалась не жалеючи, и щипалась не играючи.

Петька всем хвастался, что это она в страсти горячая, как сама Нинка, о которой нет-нет да и поговаривали, что та баба в постели – огонь и мужикам уступчивая... Правда, последнее время, как Привалов перестал калымить по деревням и дома стал жить, сплетен поубавилось, но зато в компаниях подпившая Нинка любила всех мужиков перецеловать, отчего не раз ходила битой обиженными и ревнивыми бабами.

– А я выпью... Хоть и полицейай он был, а особого зла не наделал...

И Нинку мою с девками не сгубил...

Опрокинул стакан, вытер усы шершавой заскорузлой ладонью с мозолями, глянул на Ивана. Жовнер промолчал. Знал он, что не лютовал Сопко, пока полицейайствовал, ту же Нинку не выдал, не донес, что Привалов коммунистом был, на всю улицу единственным (правда, поговаривали, что в том заслуга была самой Нинки, приласкавшей полицая, пока муж на фронте, но кто, кроме нее, теперь это знать мог, а наговорить всякий горазд). Он вспоминал Евсеева, других ребят, не доживших до этих дней, и холодно становилось в груди.

– Ладно, пойдем, старшина, – сказал Касиков, – скоро уж День Победы придет, всех поминать станем...

– Бывайте, мужики. – Иван махнул рукой, пошел по улице, приноравливаясь к размашистому шагу Касикова.

– Давай зайдем ко мне, чекушка есть, – предложил Иван, когда подошли к его дому.

Дом Жовнеров был самым свежим на улице, желтевшим еще пахучей, слезящейся янтарной смолой, дранкой, двумя окнами глядящим на разбухший почти до самых берегов ручей, тремя – в огород, на котором пять лет назад, начав строить дом, Иван посадил три прутика антоновки и куст крыжовника. Яблони в этом году, похоже, должны были наконец-то начать плодоносить по-настоящему (только сегодня Иван разглядывал и щупал набухшие почки), а крыжовник уже раздался и радовал нечастыми, но зато крупными, с солнечной рыжинкой, ягодами.

Еще две стены выходили во двор, и в каждой было по окну, но из них любоваться было нечем, разве что гуляющими курами и сараем, где истошно требовал еды кабанчик.

Сначала дом был пятистенком, и Сашкина кровать стояла напротив родительской. Потом Полина стала стесняться ночных мужниных ласк, прислушиваться, все ей казалось, что сын слышит, чем они занимаются, и Иван выгородил между кухней и залом маленькую, чуть шире кровати, комнатку. Теперь сын спал за перегородкой, и они могли даже побаловаться, стараясь не особо скрипеть сеткой, или поругаться...

Полина только что вытащила из остывшей печки горшок с утренними щами, вычистила золу и приготовила дров на завтра, гостя встретила сдержанно, но сала и соленых огурцов из подпола принесла и шей чуть теплых разлила, а потом и сама присела, не отказалась от стопки. А там и настроение появилось, и Касиков не таким чужим показался.

Был тот дальним соседом, маленькой она его и не помнила, узнала лишь, когда дом помогал строить, да только ей это неинтересно было: куда важнее стены поднимающиеся (сколько же им у родителей жить...). Вот и радовалась каждому венцу да мужу ладному и сыну подрастающему, ничего вокруг не замечая...

– Полина-то у тебя – красавица... – Гость взглядом ее открытым окинул. – А девчонка никакая была... Как в сказке про гадкого утенка...

– А я вас не помню, – сказала Полина, не отказываясь и от второй стопочки. – Да и не такая уж я и поганенькая была... Путаєте с кем-то...

– Не путаю... Я тут со своими кралями часто расхаживал, было дело... А вы, мелкота, любопытствовали, подглядывали... Худющая была... – прищурился Касиков. – А меня ты не могла не запомнить. Я ведь перед финской приезжал, весь город смотреть сбежался... Молодой командир, гимнастерка отглаженная, галифе... Думал, генералом буду... Кто ж знал, что мне в первом же бою руку так...

– У каждого своя судьба... – вставил Иван. – Вот ты про сына командира партизанского говорил... А он почему не прожил свое?..

– Ты прав, Ваня, у каждого свой путь... Сначала обидно было, а потом привык, приносившись, вот только когда партизанил, переживал, что фашистов бить в две руки не могу... Но зато взрывать научился...

– Только теперь это никому не нужно.

– Многое из того, чему мы на войне научились, не пригодилось.

Да и мы по большому счету не очень нужны...

– На фронте нам политруки говорили: победим – всё будет, что пожелаем, каждому фронтовику – по дому, как в раю жить станем за товарищей-друзей наших, что не дожили... Пришли домой, сколько лет уже не разгибаемся?.. А живем все хуже... Теперь и за хлебом очереди... Этот еще кукурузник объявился... Мы за Сталина на смерть шли, а нам теперь говорят – культ какой-то... Я не понимаю... Но знаю, жил бы Сталин – сдержал слово, всем фронтовикам дал бы, что обещал...

– Ну, тут ты обольщаешься... – Касиков запнулся, взглянул на Ивана, поднял стопку. – Давай за тех, кого уже не будет с нами.

Выпили, не чокаясь, и притихшая Полина встала из-за стола, захлопотала, не мешая мужикам вести мужской разговор.

Пришел Сашка, прошмыгнул в свою комнату.

За окном уже стемнело. Затихли улицы, и порой даже сюда доносился звук ломающегося льда. Касиков собрался домой, и Иван вышел с ним покурить.

На берегу о чем-то громко заспорили мужики, он подумал, что скорее всего этот спор закончится дракой, но остался стоять у своей калитки: драчунов разнимать ему сегодня не хотелось. Подумал вдруг, ни с того ни с сего, что Касиков совсем не прост и все время что-то недоговаривает, держит при себе... И с чего за Броньку Сопко, бывшего полиция, вступился, мол, пацан был, когда батяка его помощником своим сделал, и отсидел, можно сказать, больше за компанию, чем по вине... Ладно, пусть так, он в те годы здесь не жил, на фронте воевал, да

и лет много прошло, но вот никак не может привыкнуть, что на одной улице живут и те, кто по одну сторону стоял, и кто по другую...

На берегу точно задрались, закричали, заухали, он уже настроился идти, но шум начал стихать, похоже, Привалов драчунов растащил, он этого тоже не любил.

Иван вспомнил о том, что завтра воскресенье, на работу идти не надо, и они понежатся с Полиной в кровати (пусть поросенок повизжит, не сдохнет), а потом пройдутся по городу, людей поглядят, в кино сходят, купят бутылочку вина и вечером посемейному посидят за столом... И не о прошлом, а будут говорить о красивом будущем, благодаря желанию увидеть которое он только и выжил...

...Как и говорил дед Сурик, лед ушел за одну ночь, утром еще подтянулись отставшие льдины, а еще через несколько дней стала опадать и вода (видно, миновал лед и Ригу, выплеснулся в море), обнажая глинистые берега. По ним сразу же засновали пацаны, собирая вымытые рекой патроны, гильзы от снарядов, в надежде наткнуться на настоящий пистолет или нож, но чаще находя неразорвавшиеся мины или пробитые каски.

Из взрослых только Петруха-рыбак не выдержал, на второй день заторопился с хваткой, надеясь в мутной воде на богатый улов, но попадались редкие подуст и голавль: рыба еще не пошла к берегу.

Пролетела уже совсем по-весеннему теплая неделя, наполнились березовым соком банки, девки получили первые подснежники, и в очередной выходной берега ожили: хозяева лодок принялись приводить их в порядок. Сбивались в таборы, ставили на огонь котел с варом, смолили, конопатили борта, заделывали щели. Редкие владельцы моторов выкладывали механизмы на подсохшую траву и в окружении малышни неторопливо, основательно прочищали, протирали, продували, прикидывая, что еще день-два, в крайнем случае, неделка – и вполне можно будет прокатиться на моторке к истоку Двины, где под низкими кустами в заводях не только подлещика или подуста, но и сома можно взять.

Безмоторные о рыбе особо не мечтали, на веслах в верховье (где рыба уже к бережку подошла) не уплывешь, но тоже оценивающе поглядывали на реку, сожалея, что еще не могут выйти на промысел смытых с береговых делянок и теперь бесхозных бревен, которые в хозяйстве всегда сгодятся. Братья Слепневы за три предыдущих весны умудрились на полдома натаскать, да еще топляка на всю зиму для печки. Слепни – братья ершистые, маленькие, но широкие, друг за друга горой и от всех на отшибе. Вот и на берегу свой костерок соорудили, свой чугунок с варом поставили. И багры наготове, под рукой, длинные, таких больше ни у кого нет, и возле их лодок уже два топляка лежат, забрели чуть не по пояс, но достали – вверху прокараулили, выходит...

У Петрухи-рыбака лодка уже на мази, он всегда первый навигацию открывает, но нынче прижало его крепко, приготовить-то лодку приготовил, как раз в воскресенье выехать собирався, а пришлось отлеживаться... Не жилец он, это все знают... Может, и лето не переживет. Знают и не верят, всего пару лет назад казалось – сносу Петрухе не будет, словно мальчик бегал, по две смены на мебельной отстаивал. Может, оттого и прилепилась болезнь, от пыли всякой да клея...

А день выдался совсем теплый. Братья Слепни первые оголились, забелели сбитыми, нехудыми телами, а следом и остальные, кто помоложе, кому жар покоя не дает... Дед Сурик сверху, с бережка, на мужиков поглядывает и себя молодого вспоминает, вздыхает: вроде и хочется вернуться назад, и вроде как незачем, – сам не поймет.

Иван Жовнер с чердака удочки достал: Сашка просил настроить. Проверил, ржавые крючки заменил, поплавки новые, из пера от чужих гусаков, подтянул, закинул ему с обрывистого берега в том месте, где ручей с рекой соединяется. Вряд ли толк будет, но если хочет, пусть сидит. Сам вернулся домой, лодки у него не было, а в огороде дел немало. У Полины сегодня срочная работа, начальница вызвала, так что хозяйство на нем.

Ближе к полудню и ахнуло в стороне, словно пушка выстрелила.

Или как когда саперы остатки моста взрывали. Мужики занятие свое прервали, Иван в огороде над лопатой распрямился, Сашка на пригорок выбежал, чтобы рассмотреть что-нибудь, но тишину только приваловские гусаки и утки нарушали, вперевалку к ручью пришедшие.

Постояли, погадали, что бы это могло быть, когда на небе ни облачка, да и продолжили своим заниматься.

К обеду и мужики с лодками справились, и Иван под грядки пологорода перекопал, и Сашка нарыбачился.

Мужики тут же на берегу, у тлеющего костерка, устроились, выложили на расстеленную плащ-палатку что у кого было, Бронька, оттого что не гонит его никто и как с равным разговаривают, сам самогону притащил (Сопчиха на базар уехала). Братья Слепни подумали, подумали – и приватажились, с добрым шматом сала да со своим бутылем первача.

Выпили за славный весенний денек.

Иван тоже из печки горшок с картошкой достал, стопку себе налил, тут и влетела в дом Полина, сразу в Сашкину комнату кинулась, вылетела пулей.

– Вань, Сашка где?

– А чего ты, заполошная?.. Зачем он тебе?

– Где он?

Присела на скамейку напротив, а сама вот-вот заплачет.

– К длинному дружку ушел.

– Когда?

– Да только что...

Откинулась Полина к стене, стопку подставляет.

– Налей мне.

Выпила залпом и закусывать не стала, только поморщилась.

– Да что случилось? – повысил голос Иван. – Любка по работе выругала?

– Бабы сказали, ребяташки в нашем краю подорвались, я у Любки отпросилась и бегом...

– Какие ребяташки?

– Откуда я знаю?! – вскинулась Полина и сморщилась, скривилась, все-таки слезы перешили. – А давно он ушел?

– Да тут все время крутился, рыбу ловил... Я ему удочки настроил...

– Не, я все-таки сбегая к Коротким.

– Ну, баба... Валяй.

Иван стопку опрокинул, проводил жену взглядом: ладная она у него, только вот боязливая, все за Сашку боится, как тот с моста упал, чудом жив остался. После того случая сама захотела второго завести, да вот сколько с той поры живут – никак не получается.

Только успел закусить, на бережок собрался пройтись, Полина прибежала, вместе с Сашкой да с новостями. Оказывается, взрыв это был самый настоящий, Пантюху сейчас встретила, на его глазах все и произошло: пацаны заречные напротив кладбища во рву костер разложили и то ли мину, то ли снаряд на него и положили, тол хотели вытопить... Двоих, чьих – еще никто не знает, сразу насмерть, троих в больницу отнесли...

– Ты, сынок, смотри, в такие игры не играй, – просяще обратилась она к Сашке, набычившемуся, недовольному, что мать домой увела.

Только Катька гулять вышла, девчонки из барака как раз обсуждали, в догоняшки поиграть или в прятки, а тут его домой...

– Я пойду, а?.. – жалобно произнес он, не поднимая глаз.

– Куда опять?

– Ну ты ж видела, мы там играть в догоняшки собрались...

– Какие догоняшки?.. Ты в прошлом году доигрался, еле откачали...

– Полина... – остановил ее Иван. – Пусть идет, что ты пацана дергаешь. – И добавил строго, глядя на Сашку: – Стемнеет, чтобы как штык дома был...

– Может, лучше пусть посидит, уроки поучит?.. – неуверенно произнесла Полина, но, перехватив тяжелый взгляд мужа, добавила, погрозив Сашке пальцем: – Чтоб я больше не бегала за тобой...

Сашку как ветром сдуло.

– Присядь. – Иван разлил ей и себе остатки водки. – Пей... Это помогает. На фронте после боя так поминали...

– И в прошлом году, помнишь, ребяташки тоже подорвались... В блиндаж залезли, как в могилу...

Полина подержала стопку, потом выпила, закусила картофелиной, помолчала.

– Столько лет прошло, а каждую весну аукается...

– Видно, судьба у них такая... – Иван обнял ее за плечи, притянул к себе, завозил рукой по груди, она легонько шлепнула его, но отнимать ладонь не стала, и он мял все сильнее и сильнее и наконец подхватил на руки, понес на кровать, думая, что надо бы закрыть дверь на крючок (но не должен вроде никто зайти), и не стал отвлекаться, стащил с жены все, что на ней было, отчего Полина стыдливо стала прикрываться руками и глаза зажмурила, навалился, подминая послушное желанное тело, прошептал невпопад:

– Глядишь, сестренку Сашке заделаем...

И ощутил, как Полинины руки впились ему в плечи, а ее горячие ноги крепко обхватили его бедра...

Потом, прикрыв жену одеялом, остывая рядом, словно продолжил разговор:

– На фронте я всякого насмотрелся. И понял: если суждено, значит, не уйти от судьбы... Иной прячется, кажется, ничего его не возьмет, а глядишь, уже команда похоронная в ров потащила...

– Уж сколько лет прошло, – безучастно отозвалась Полина, думая о чем-то своем. – И вспоминать бы не надо, а вот... – Повернулась, легла Ивану на грудь, заблестела глазами. – Скоро праздники, а у меня платья хорошего нет... Сегодня Любка пришла в новой кофте, юбке, расфуфыренная...

– Мне премию обещали, – проговорился Иван.

– Премию?.. К празднику?.. – И остыла. – Сашке сандалии надо купить, штаны какие-нибудь, вырос уже...

– Должно на все хватить, – сказал Иван. – Куплю я тебе платье...

Полина чмокнула его в щеку, вскочила с постели, голенькая пробежала к комоду, стала доставать кофты, юбки.

– Ты бы оделась, – сказал Иван, вставая и ревниво поглядывая в окна.

Но она уже не слышала, примеряя не ношенное всю зиму и оттого радующее не меньше, чем новое, и Иван, одевшись, вышел на улицу.

...На берегу захмелевшие мужики на этот раз не скандалили, слушали бородатого бобыля Пантюху, тоже изрядно угостившегося и теперь в который раз рассказывавшего, как у него на глазах бухнуло (он даже на задницу сел) и что им, отцам, за своими шкетами надо смотреть, потому что весь берег утыкан военными подарками, и сколько уже раз он гонял своих, малобережных, из лога, что за кладбищем, и сам сколько мин, патронов да всякого железа находил...

– И твоего гонял, с его другом длинным, – обрадованно сказал он, увидев Ивана. – Шустрые они, того и гляди...

И не закончил, потянулся к бутылке, посожалел о ее пустоте, но мужики этого не заметили, продолжая разговор.

Иван присел на скамейку рядом с дедом Суриком (тот сидел на ней один, остальные пристроились рядом на травке), стал слушать, о чем мужики ведут речь.

После сегодняшнего взрыва вспомнили, кто и как воевал на этих берегах, фашиста и финна проклятого, который в этих местах больше немца лютовал, мстя за поражение в ту короткую войну. Потом пришедший совсем недавно и оттого самый трезвый Степан напомнил, что скоро майские праздники, демонстрация, и все заторопились сообщить, что и на мебельной, и в сплавной, и в леспромхозе, – уже все готовятся, транспаранты рисуют... А на мебельной в секрете строят космический корабль в натуральную величину. Его еще на прошлую демонстрацию должны были построить, сразу после полета Юрки Гагарина, но не успели, директор за это выговор получил. И правильно, так ему и надо, нерасторопному, как же: земляк наш, смоленский, вокруг земного шара облетел, а на его родине корабля не могут построить... Но нынче точно будет... Во весь рост...

И говорят, пиво из Витебска привезут.

А фронтовикам велено награды надевать и банты красные...

Иван хотел сказать, что ему к празднику премию обещали, но промолчал: не взглянуть бы...

Он подумал, что праздники – это хорошо, надо будет и к женкиной родне сходить (здесь недалеко живут, не пойдешь – Полина обидится). Своих-то уже давно нет, отца еще до войны похоронили, отсюда неблизко, а мать с ним рядом положили... Сестра в Карпатах где-то живет, за гуцулом нелюдимым, оттого, наверное, и восточку не шлет... А может, кто и к ним нагрывает...

Мужики тут стали друг друга на будущие красные дни приглашать, на отказы обижаться и говорить все громче, руками махать все сильнее, братья Слепни даже на ноги вскочили, и Иван с трудом перекричал их.

– Остыньте, соседи!.. А давайте на праздник вот здесь стол собьем да и посидим на бережку все вместе....

И таким неожиданным показалось его предложение, что все замолчали враз. А потом загомонили, перебивая и заверяя друг друга, что это верное предложение, пора всем фронтовикам (да и женок прихватить) вместе посидеть, как на фронте бывало...

...Но не зря говорят: человек предполагает, а Бог располагает...

В аккурат на праздник утонул Петруха-рыбак. Утром, засветло (на демонстрацию он уже не ходил в прошлом году), с трудом дошел до лодки, завел мотор, поплыл в верховье. Пантюха его видел, крикнул ему еще, чего, мол, в праздник-то поплыл... Но вот что тот ответил – не разобрал, да и неважно ему это было, бабы в очередь на перевоз стояли, чтоб пораньше кто купить, кто продать на базаре что смог.

И уже когда с демонстрации возвращались, кто на причале парома ждал, а кто на нем был, лодку пустую увидели. Плыла себе та тихонечко по стрежню, покачивалась... Чья она, признали быстро. Петька Дадон с дружками тут же Кирюху, паромщика сухоногого, заставил остановить паром посередке, с носа баржи паромной спрыгнул в нее, чуть сам не сковырнулся, к берегу причалил. И все в ней было так, как всегда у Петрухи-рыбака, чистенько, сухо... Хорошая у него лодка...

Стали думать да гадать, в промежутках пиво потягивая, что не привязал лодку-то Петруха толком, вот и отвязалась... Правда, Дадон сказал, что цепь аккуратно на носу лежала... Но мог ведь и не привязывать, если ненадолго, подтянуть на берег, отойти... Но еще пиво допить не успели, как принесли пацаны новость: точно утонул Петруха-рыбак, и уже тело его прибило возле мебельной фабрики, а там бабы за водой пришли и увидели...

Кто-то вслух подумал, что ведь и оступиться мог, а мог и так, сам за борт... Не жилец ведь был...

И тут вспомнили, что у Петрухи-рыбака и фамилия есть и биография. И что появился в городке Петр Михайлович Тимошенко на другой год после победы, и был он тогда в военной форме с капитанскими погонами, медалью «За боевые заслуги» и орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. И глаза у него были печальные, а бабы потом судачили (и откуда только они все знают?), что был он пограничником и война застала его чуть ли не в самом Бресте, там все родичи и погибли. И вроде приехал он сюда, потому что жена у него была родом отсюда, только увезли ее еще совсем маленькой, и была она полькой. А старики помнили, что был-жил когда-то в их городе поляк Стефан, учивший всех желающих игре на скрипке и рисованию. Правда, это было так давно, что вспомнить маленькую девочку, дочку Стефана, никто не смог... Но, наверное, она была, если Петруха – капитан Тимошенко – приехал совсем в чужое место...

Купил Петр Михайлович тогда дом на берегу, устроился на мебельную фабрику... Незамужние девки, да и бабы одинокие, и так и эдак подъезжали к нему, да только без толку. Одно кроме работы знал бывший капитан – рыбалку. И скоро лучше всех местных ловить стал.

А улов в больницу отдавал...

Вспомнили это мужики в тот праздничный день шестьдесят второго года и помянули еще одного, отправившегося в мир иной, негромко решив, что, вполне возможно, там, где уже народу видимоневидимо, все же, похоже, лучше, чем здесь...

Немыкльское озеро

– Поднимайся, Санек...

Так сладко и уютно в кровати, глаза совсем не хотят открываться, но через сон вспомнил Сашка, зачем его отец поднимает, и мигом подскочил, побежал к умывальнику. Лицо смочил, шаровары, рубашку надел, встал возле стола, демонстрируя отцу, что готов.

Тот кружку с чаем к нему пододвинул.

– пей... И поешь... Проголодаешься, пока доберемся...

Сашка вареное яйцо, не разжевывая, проглотил, сладким чаем, обжигаясь, запил...

Вышла заспанная мать, провела ладонью по вихрастому затылку сына.

– Хорошо поешь, чтобы силы были...

– Я уже.

– Подожди-ка... – Полина достала из кринки с родниковой водой кусок сливочного масла (раз в месяц она приносила его с работы), отрезала ломтик, наложила на кусочек хлеба, протянула.

– Съешь...

В другое время Сашка бы долго этот кусок смаковал, а сейчас даже вкуса не заметил. Быстренько прожевал, чаем запил и на отца выжидательно уставился. А тот в вещевой мешок, еще с войны сохранившийся, бутылку с чаем поставил, бутерброды с салом, в газету завернутые, положил, четыре яйца сваренных, соли щепотку, лука зеленого, только-только вылезшего на грядке, картошин в мундирах.

Оглядел все сверху, горловину затянул.

– Ну, мы готовы, мать...

– Ты за ним там поглядывай, – сказала Полина, поправляя мужу воротник выцветшей от времени и стирки гимнастерки.

Вышла следом на крыльцо.

Сашка уже возле сарая удочки переставляет, раздумывая, какие взять, но отец машет рукой.

– Иди сюда, мы с тобой спиннинги берем.

И уже держит большой и маленький, который Сашка в прошлом году бросать учился и даже одного шуренка поймал в заводи за кладбищем, возле лога.

– Так мы только щук ловить будем? – уточнил он, не решив, радоваться этому или огорчаться.

Одно дело, если плотву или подлещика, тут он бы наловил точно, а вот щук... Но зато если попадется, так уж попадется... Будет что рассказать осенью в школе и Вовке, когда тот вернется...

Вовка – в пионерском лагере. Сашка тоже хотел вместе с ним поехать, но родители решили в отпуск съездить в гости к папиной тетке в Осташков, и надо было выбирать. Вот он и выбрал путешествие.

И не пожалел: лагерь совсем недалеко, вниз по Двине, а озеро Селигер далеко, они и на автобусе ехали, и на поезде. А само озеро такое огромное, и чайки большие, и камыши высокие, а возле камышей рыба ловится так, будто ее там видимо-невидимо.

Но больше всего ему запомнился театр. Тетя Нюра билетером в нем работала и их провела через служебный вход, а потом они сидели на приставных стульях совсем рядом со сценой, и пьеса была про девушку Татьяну...

А еще во дворе, где тетя Нюра жила, была девочка Аня, которая тоже ему понравилась, и он даже запомнил ее адрес...

Они только позавчера вернулись, завтра родителям на работу, но отец еще в Осташкове пообещал, что свозит его дома на рыбалку.

На улице еще только-только рассветает. В конце улицы, возле Пантюхиного дома, пастух начал собирать стадо, доносилось мычанье коров и окрики хозяек. Было еще свежо, но солнце уже осветило поблескивающие росой склоны оврага, по которому бежал ручей.

День обещал быть жарким.

Отец и Сашка перешли деревянный поскрипывающий мостик, поднялись к школе (Сашка забежал вперед, заглянул в непривычно пустой школьный двор), минули каменный мост и скособоченную хату сапожников Григорьевых (братьев Гришки и Федьки), приткнувшись к массивной опоре моста. (Их огород спускался к самому ручью, и в нижней, затапливаемой весной, части брата высаживали капусту. По первому снегу они ее срезали, квасили, и дух квашеной капусты на многие дни становился в округе самым сильным.)

Сашка, как и другие пацаны, братьев побаивался. Они были большие, кряжистые, обросшие, и когда стояли в черных кожаных фартуках, опустив мясистые волосатые руки, Сашка верил, что в войну, в большом городе Ленинграде (откуда приехали сразу после войны), они ели детей. Поэтому теперь, каждую зиму, чтобы преодолеть желание, объедались капустой. И он, и Вовка, и другие одноклассники старались в темноте не ходить мимо их хаты. И если кололи вилкой бычков или собирали в ручье шитиков (на них голавль клевал), огород обходили поверху.

За мостом булыжная мостовая заканчивалась. Дальше уходил песчаный накатанный тракт. Они пошли по тропинке рядом. Со стороны леспромхозовских домов, поднимая пыль, подошло стадо коров, заняло всю дорогу, неспешно направилось в сторону Суриковского хутора. За разваливающимся домом и дырявым забором хутора начинались луга с высоким разнотравьем, туда гоняли скот и городские, и из ближней деревни Красная. На хуторе, у Ваньки Кривого, были только две лошади и козы, и они паслись сами по себе, где придется.

Прошли вдоль железной колеи, поднялись на деревянный помост, у которого стояла, пыхтя и дребезжа, дрезина. К ней была прицеплена платформа. На платформе сидели мужики в черных спецовках и тетка в шароварах и пестрой мужской рубашке.

– Здорово, – сказал Иван, закидывая на платформу спиннинги, мешок и подсаживая Сашку.

– Здоров, – по очереди отозвались мужики, а тетка, щуря большие голубые глаза, сказала:

– Чего это, Вань, тебя видать не было...

– А я – отпусник, – весело отозвался отец. – А ты, Настя, все цветешь...

– Цвету и пахну, а все напрасно... А это что, твой?

Она посмотрела на Сашку, и он отвернулся: тетка ему не понравилась.

– Мой.

– А куда ж вы собрались? По грибы еще рано.

– А ты не видишь?..

Иван отодвинул спиннинги, сел на край платформы, свесив ноги, достал папиросу, повернулся к мужикам.

– Как там, на Немыкльском, щука идет?

– А кто ее знает, – отозвался пожилой мужик с большим красным носом. – Нам, чай, не до рыбалки. Мы без отпусков...

– Ну, тебе, Прохор, точно не до рыбалки, – сказал Иван.

Дрезина вдруг пискнула, дернулась и, с трудом набирая скорость, потащила платформу. Отец перехватил Сашку за пояс, отодвинул подальше к центру, приказал:

– Сиди на месте.

Мимо потянулись леспромхозовские, похожие друг на друга, покрытые белой дранкой, с одинаковыми палисадниками перед ними, дома, но скоро они кончились и начался лес. Дере-

вья плотно обступили рельсы, их кроны цеплялись за крышу дрезины, за торчащие по углам платформы жерди; скоро позади был виден только узкий зеленый тоннель, и стало казаться, что никакого города, никаких домов вообще не было. Как не было Селигера, театра, чаек, девочки Ани...

Сашка сел удобнее, стал смотреть вперед на расступающиеся перед пахнущей соляжкой, пытящей дрезиной деревья, с любопытством ожидая, что откроется за очередным изгибом дороги...

Мужики, сидя так же, как отец, по краям платформы, курили, глядя по сторонам, думали о чем-то своем, тетка пододвинулась ближе к отцу, прижалась к его плечу, стала что-то нашептывать в ухо.

Сашка дернулся, чтобы отец обратил на него внимание, но тот лишь обхватил ладонью его руку.

Тетка продолжала шептать, отец улыбался, и это отвлекало Сашку.

Он попытался освободить руку, но отец только сжал ее еще крепче и что-то стал говорить тетке. Та засмеялась, отодвинулась, а отец повернулся к нему, сказал:

– Сиди на месте, нам долго ехать.

И, придвинувшись к мужикам, стал что-то обсуждать с ними.

Тетка провела рукой по Сашкиной голове, вздохнула, откинулась на спину, раскинув руки, стала глядеть в голубое, без единого облачка, небо, и Сашка перестал на нее злиться.

Она закрыла глаза, и теперь он мог разглядеть ее лицо с широкими скулами, задранном вверх носом, ярко-красными пухлыми, приоткрытыми губами...

Дрезина повернула, платформа мотнулась из стороны в сторону, тетка открыла глаза. Сашка отвернулся и стал разглядывать приближающуюся поляну, посередине которой стояла одинокая береза; потом деревья вновь обступили рельсы, открылась новая полянка – так они долго еще чередовались, и то ли от этого, то ли от мерного раскачивания платформы Сашка незаметно заснул...

Проснулся оттого, что дрезина вдруг остановилась, а на платформу полезли какие-то мужики, здороваясь с теми, кто был на ней.

Сразу стало тесно, и он придвинулся ближе к отцу. Наконец все расселись, дрезина пискнула, дернулась, поплыла вперед, оставляя позади длинную улицу почерневших домов, стоящих вдоль разбитой лесовозами дороги.

– Здесь живут? – удивился Сашка.

– Это Немыкли, – сказал отец. – Деревня. Нам с тобой уже скоро сходить...

– А что они здесь делают? – спросил Сашка, глядя на мужиков, враз закуривших и переговаривающихся между собой.

– Они здесь живут. А работают на делянке, где и я... Если успеем, мы с тобой на обратном пути зайдем, посмотришь, где я работаю...

Снова деревья обступили рельсы, солнечные лучи, прорываясь сквозь зеленые кроны, полосами скользили по дрезине, платформе, лицам мужиков и Насти, которая все чему-то смеялась, шепчась то с одним, то с другим, по пути они нанизывали клубы табачного дыма, исчезающие позади, но их сменяли новые, и это движение казалось бесконечным. Но тут дрезина начала притормаживать, скрипя и повизгивая, и отец, подвинув на край спиннинги и мешок, спрыгнул, пошел рядом, потянул Сашку, подхватил на руки, опустил на пожухлую, вытопанную, испачканную мазутом траву, прихватил спиннинги и мешок, махнул рукой.

– Все... Спасибо...

– Вань, без щук обратно не возьмем! – крикнула Настя.

– А я без щук и не вернусь.

– Все вы так говорите, – непонятно о чем отозвалась та.

Платформа скрылась за деревьями.

Отец вскинул мешок, пошел от колеи в лес. Сашка заторопился следом, и скоро они вышли на еле заметную тропинку. Та попетляла, попетляла среди белоствольных берез и редких низкорослых елей и вывела вдруг к невесть откуда появившимся нескольким мощным дубам. Лес сразу посветлел, заполнился пением птиц, жужжанием оводов и диких пчел. Задрав голову, Сашка засмотрелся на вершину огромного дуба с резными листьями, сквозь которые пробивались солнечные лучи, но отец его поторопил:

– Скоро жор кончится, догоняй...

Он уже спускался по плавно уходящему вниз травянистому склону, усыпанному старыми желудями и листьями, к небольшому озеру, где возле берега стоял плот с воткнутым посерединке шестом. Отец с ходу прыгнул на него, потопал, подымая мелкие волны.

– Иди сюда, посмотрим, удержит он нас?..

Сашка прыгнул на связанные бревна, плот качнулся, коричневая вода прокатилась по ногам.

– Придется мешок на берегу оставить.

Отец поднялся к ближнему дубу, выложил из мешка блесны, тесак и круг толстой лески и повесил его на сухой сук. Вернувшись, вытащил шест из чмокнувшего ила, оттолкнулся, подождал, пока плот выплывет за камыши, тянущиеся полосой вдоль берега, подгрел шестом, выравнивая его, сказал Сашке:

– Подожди, я попробую...

Взял длинный спиннинг, окинул взглядом блесны, выбрал большую, желтую, привязал и сделал заброс в сторону берега, под золотистые кувшинки.

Стоя на другом краю плота, Сашка наклонился, зачерпнул ладонью воды. Она действительно была коричневой и остро пахла.

– Торфяники кругом, – сказал отец, заметив, как он наморщился. – Поэтому и запах. А рыба хорошая, не пахнет.

Он развернулся, забросил в другую сторону, крутанул катушку, и почти сразу же удилище рванулось, отец резко потянул его на себя и прошептал:

– Есть...

Удилище прогибалось, щука была сильной и не хотела ловиться.

Она метнулась на середину озера, потом к кувшинкам, плот задергался, поплыл следом.

– Упрись шестом, – сказал отец. – А то она нас затянет...

Сашка поднял шест, воткнул его в илистое дно, обхватил руками, но плот продолжал двигаться, и отец раздраженно произнес:

– Не так, вставь шест между бревнами...

Сашка потянул шест на себя, но тот не вытаскивался, и тогда отец шагнул к нему, отчего плот накренился и вода залила Сашкины сандалии, одной рукой помог вырвать шест, вставил его, с силой надавив, между бревнами и, вновь обхватив двумя руками трещащую катушку, стал медленно подматывать, приподымая удилище, пока из воды не показалась большая острая морда.

– Крюк забыли, – оглянувшись, огорченно произнес он. Еще раз окинул взглядом замершую на поверхности воды рыбу, потом плот и, вырвав шест, нетерпеливо протянул его Сашке. – Толкайся к берегу.

Сашка засуетился, ткнул шестом в дно и чуть не свалился в воду.

– Не торопись, лучше подгрбай...

Отец чуть отпустил катушку – щучья морда скрылась в воде, потом подал вперед удилище и тут же неторопливо потянул его обратно.

– Уже подустала...

Сашка старательно подгрбал. Рубашка и шаровары были мокрыми от стекавшей с шеста воды, но берег приближался.

Отец стал медленно подкручивать катушку, потом быстро прошел по плоту, размашисто шагнул на берег, одновременно поднимая вверх спиннинг и рывком выбрасывая на траву длинное пятнистое тело, пружинисто изогнувшееся в воздухе. Сашка прыгнул с плота, но до берега не достал, упал в воду, чуть не заплакал от обиды, а отец, откинув щуку дальше от воды, торопливо достал его и вытащил на берег.

– Килограмма на три, – возбужденно произнес он и, окинув Сашку взглядом, приказал: – Снимай все.

Пока Сашка раздевался, он отнес щуку в тень дуба, придавил обломком пня. Потом разложил Сашкины шаровары и рубашку на солнцепеке:

– Есть хочешь?

Сашка мотнул головой.

– Давай обсыхай... Можешь с берега побросать, а я сейчас быстренько вдоль камышей проплыву... И за щукой присмотри, чтоб не упрыгала...

И торопливо пошел к плоту, сильно оттолкнулся от берега, положил шест и сделал заброс...

Пока плот был виден, он ничего не поймал. Потом камыши закрыли отца.

Сашка поднялся к дубам, но и оттуда дальний конец озера не был виден, и он вернулся к разложенным вещам, успокоившейся щуке, сел рядом.

Солнце уже ощутимо припекало, над водой летали неторопливые стрекозы, лес еще сильнее звенел от пения невидимых птиц, глаза закрывались сами собой, но уснуть не получилось: вокруг него закружили оводы, и он решил, что лучше бросать спиннинг. Но первый же заброс оказался неудачным: катушка сорвалась, из лески получилась борода, которую он с трудом распутал, а когда начал вытягивать блесну, та зацепилась за корягу. Он походил в разные стороны, подергал, но отцепить не получилось. Хотел сплавать, вошел в воду и сразу же провалился в ил, из которого с трудом выбрался. Оставив спиннинг на берегу, вернулся к дубам.

В их тени было прохладно, и вновь появился плот. Он стал наблюдать за отцом, но жор, наверное, уже кончился.

Потом плот опять исчез, уже под ближним берегом. Сашка стал собирать желуди, попутно придумывая, что из них можно будет сделать, и не заметил, как причалил отец. Подбежал к плоту. Отец выбросил на берег двух щук, но они были явно меньше первой, воткнул посередине плота шест, спрыгнул сам. Подхватив под жабры щук, отнес их к первой в тень, спросил:

– Ты крапивы нигде не видел?

– Не видел.

– Пошли, поищем...

Они обошли весь берег, но крапивы не нашли, нарвали осоки, смочили водой и накрыли ею рыбу.

Отец снял мешок, развязал, разложил под дубом припасы, сказал: – Давай поедим... Жарко уже, охота закончилась. А ты почему не бросал?

– Зацепилась, – сказал Сашка.

– Поедим – отцепим, – вяло произнес отец, глядя на щук. – Как думаешь, на котлеты хватит?

– Хватит.

– Значит, слово мы с тобой сдержали, – весело сказал он.

...После еды выходить на солнце совсем не хотелось, они прилегли в тени, и скоро отец захрапел.

Сашке спать расхотелось. Он прошел к озеру, с трудом вытащил шест, почему-то стараясь не шуметь, поплыл к коряге. Отцепил блесну, бросил пару раз, потом положил спиннинг, нырнул с плота, проплыл к кувшинкам, понюхал желтый цветок, вернулся обратно, вскараб-

кался на плот. Мигом слетелись оводы, и, отмахиваясь от них, он торопливо поплыл к берегу. Надел уже пересохшую рубашку, разостлал рядом с отцом шаровары, лег на них и закрыл глаза.

...Хорошо было на Селигере: напекло солнышко – перевалился за борт, поплавал, вылез обратно; ветерок обдувает, оводы не летают, сидишь, блаженствуешь, на поплавок смотришь... Задержался, ушел под воду – тащи... Не такая, конечно, рыба, как сегодняшние щуки, зато много и не скучно... И рука не устает... А вечером во дворе с пацанами и Аней картошку на костре пекли... Вкусная картошка... Аня снетки приносила, такая рыбешка маленькая, вкусная... Как семечки.

Таких на удочку не ловят... А еще она говорила, что в Селигере русалки и водяные водятся, только они близко к берегу не подплывают, озеро ведь большое... И что на островах, которых там видимоневидимо, всякие звери живут. И даже плохие люди, которые с войны остались... И разбойники. У Ани отец в охране работает, по озеру на лодке моторной ездит, он их с Сашкой как-то прокатил. Втроем они доплыли до большого острова, на котором медведь живет, и даже походили по берегу, шишек сосновых насобирали... И когда там вдвоем гуляли...

Кто-то толкнул Сашку в бок, он открыл глаза.

– Пора собираться, Санек.

Отец встал, потянулся, скинул брюки, разбежался и прямо с плота, уткнувшегося в берег, нырнул в озеро. Размашисто выбрасывая руки, поплыл к противоположному берегу. Доплыл до кувшинок, развернулся, довольно пофыркивая, так же энергично и высоко выбрасывая руки, поплыл обратно. Возле плота попытался встать на дно, но тут же, чертыхнувшись, ухватился руками за бревна.

– Так и засосет...

Вылез на плот, блестя загорелым телом с выпирающими мышцами, оглядел озеро, поднял голову.

– Освежись, Санек, да двинемся...

– Больше ловить не будем?

– Жарко, не будет больше клева до вечера. А нам скоро ехать... На котлеты же хватит...

– Он взьерошил Сашке волосы. – Мы с тобой как-нибудь еще сюда приедем. Осенью. Тогда не так жарко и щука жадная... Не расстраивайся.

– Я не расстраиваюсь, – сказал Сашка.

– Тебе здесь понравилось?

– На Селигере лучше, – после паузы ответил он.

– Ну ты сравнил.

Отец стал собирать вещмешок.

– И туда как-нибудь еще съездим...

Сашка постоял в раздумье, потом спустился к плоту, сбросил рубашку, так же, как отец, нырнул, но перелететь, как он, камыши не смог, вошел в воду между ними и поцарапался почти до крови. Попробовал плыть размашисто, как отец, выпрямляя руки, но скоро устал и повернул обратно.

– Все вроде. Ничего не забыли...

Отец огляделся, на дно мешка положил осоку, уложил щук, затянул узел.

– Надо будет потом крапивы найти, переложить... Трогаем.

И неожиданно пошел в обход озера.

Сашка промедлил, потом торопливо нагнал отца, спросил:

– Мы же с другой стороны пришли?

– Правильно, мы пришли со стороны Немыклей, а идем к Ликовцам... А между ними как раз делянка, там я работаю...

– Мы туда идем?

– Там дрезина. И трактор мой... Хочешь прокатиться?

– А дашь? – оживился Сашка.

– Проедешь, – пообещал отец.

Они миновали дубы, дальше деревья были меньше, но стояли гуще. В тени их крон не надоедали оводы, да и жары не ощущалось.

И пахло можжевельником, мхом. Откуда-то издали ветер принес слабо различимый, чуждый остальным запах и следом еле слышный рокот. И унес дальше, в сторону невидимого озера.

Сашка оглянулся: теперь уже и дубов совсем не видно. Он вздохнул, вспомнив, что не придется похвастаться перед друзьями выловленной щукой, и торопливо догнал отца.

... Сначала звук работающего трактора, а потом и хорошо различимый запах солянки незаметно вытеснили остальные звуки и запахи.

И наконец они с отцом вышли на безлесное, перепаханное гусеницами, усталое сломанными ветками пространство, на дальнем краю которого визг пил чередовался с рокотом трактора-трелевочника и с шумом падающих деревьев.

Отец оглянулся, подождал Сашку, сказал, обводя рукой это расчищенное место:

– Вот это наша делянка. А там мой трактор...

Они пошли по усыпанной щепками, обломками коры и торчащими ветками земле гораздо медленнее, чем по лесу, но скоро и трактор, и домик, приткнувшийся к краю леса, и даже фигурки людей, переходящих от дерева к дереву, стали хорошо видны – стало понятно, что они делают.

Большие зеленые деревья дрожали под вгрызающимися в них, надсадно воющими пилами, падали, тщетно цепляясь за соседей, их тут же обступали мужики с топорами, торопливо обрубали трепещущие ветви, переходили к следующему упавшему дереву, а к незащитному обнаженному стволу подъезжал трактор, обвивал дерево металлической петлей и тащил его на площадку, где лежали такие же нагие деревья. Сашка оглянулся назад: остался ли на месте лес, по которому они только что шли, или все уже позади превратилось в эту огромную, искореженную и утратившую красоту делянку...

Трактор вдруг остановился, так и недотавив очередное дерево к остальным, и лесорубы, побросав пилы, побежали в сторону домика, и те, что обрубали ветки, – тоже.

– Начальство приехало, что ли... – удивился отец, оглянулся. – Не отстал? – И ускорил шаг.

Трелевочник продолжал рокотать, на узкоколейке попрыгивала дрезина, но нигде никого не было, все собрались возле домика. Рабочие стояли, плотно обступив что-то, и Сашке ничего не было видно из-за их спин.

Отец раздвинул сгрудившихся мужиков плечом.

Сашка проскользнул за ним.

На земле, покрытой опилками, лежала тетка в клетчатой мужской рубашке. Ее лицо было в крови и отливало синевой. Над ней наклонилась маленькая полная женщина в синем халате, а рядом двое мужиков держали за руки третьего. У него были большие, выпученные и, казалось, никого не видящие глаза, перекошенное лицо. Через разорванную рубаху было видно, как временами вздымались бугорки мышц, и тогда мужики крепче держали того.

– Убью стерву! – то ли кричал, то ли выли мужик, пытаясь вырваться.

Отец спросил:

– Что произошло-то?

– Васька вот, Настену прибил, – отозвался один из держащих.

– Васька, ты чего?

– Чего я... – Тот неожиданно всхлипнул. – Всю ночь в городе блядовала... Рубаха вон на ней чья?.. Убью хахалю!..

Вновь взвыл, замотал головой с густой шевелюрой, рванулся, но мужики держали крепко.
– Наубиваешься... Посадят дурака... – недовольно произнесла женщина и похлопала Настю по щекам..

Та шумно вздохнула, открыла глаза, уцепилась за руку женщины.

Прошептала:

– Ирод...

К отцу протиснулся щупленький мужичок в испачканной мазутом майке.

– Привет, Вань.

– Здорово, тезка...

– Васька Настю опять уму-разуму учил... – Мужичок хохотнул. – Потеха.

Настя громко застонала, заохала, плачущим голосом произнесла:

– Ирод ты... У мамки я была, и рубаха это браткина... Фашист...

– Я тебе пообзываюсь, – неожиданно тихим голосом произнес Васька и обмяк, зашмыгал носом, произнес: – Да пустите вы, не буду я больше...

Выдернул руки, шагнул к Насте.

– Не подходи, фашист...

Настя поднялась, шагнула в сторону.

– Ты, это, меня так не обзывай, – со скрытой угрозой в голосе произнес Василий, но остановился. – Ты, это... Я фашистов крошил... Не обзывай... Я ведь узнаю, Настька, где ты гулеванила... Я ведь, ежели обманываешь, забью насмерть... И хахаля твоего тоже... Ты меня знаешь...

– А ты не угрожай, не угрожай! – Женщина обняла Настю за плечи. – Ишь как девку-то разукрасил... В кутузку тебя надо...

– А ты не лезь, Варюха, это наше семейное дело...

– Семейное... А как убьешь?

– А они живучие, – негромко отозвался кто-то из лесорубов.

– Цыть! – прикрикнула Варвара, оглядывая мужиков. – Вот и рожай да расти вас таких...

– Я от тебя уйду... С мамкой жить буду... И брату пожалуй, – скривила распухшие губы Настя.

– Ты ночь где-то гулеванила, а я тут метался... Я еще раз узнаю...

Василий вновь забелел лицом, замутнел глазами, шагнул в ее сторону.

– Варь, уведи меня...

Настя, прикрывая лицо руками, покачиваясь, торопливо пошла к домику.

– Настя!.. – в голосе Василия прозвучала растерянность. – Ты, это, не дури...

– Эх, Васек, прежде бы разобрался... Угробил бабу ни за что и сам сядешь, – произнес пожилой мужик, державший Василия.

– А... Ничего с ней не будет...

Настя и Варвара скрылись в домике.

Василий махнул рукой, подхватил топор, торчащий в бревне подле домика, пошел к сваленному дереву.

Мужики стали расходиться.

Побрел к дрезине машинист.

– А ты чего, тезка, уже работать вышел? – спросил вертлявый Иван.

– Не... Мы с сыном на озере были, щук ловили, – сказал отец, опустив руку на Сашкино плечо.

– Твой, что ли?

– А то чей... Вот дай-ка мы с ним прокатимся, пока тебе делать нечего....

– Валяй... А я покурю в тенечке.

Мужичок ловко выбил из кармана широких, покрытых масляными пятнами брюк пачку «Прибоя», губами вытащил папиросу, из другого кармана выдавил коробку спичек, прикурил и исчез за домиком, где под дощатым навесом возле бочки с зацветшей водой и пожарным щитом, набитым на дерево (на котором одиноко висел выкрашенный красной краской багор на короткой рукоятке), стояла скамейка.

Отец положил мешок в тень возле стенки домика, подтолкнул Сашку в сторону трактора.

Трелевочник сладко пах горячим металлом и соляжкой.

Отец потеснился на черном сиденье, усадил рядом Сашку, положил его руки на рычаги, накрыл сверху своими.

– Вот сейчас и поедem...

Трактор взревел, дернулся и, гремя гусеницами, покатил вперед.

– Теперь тяни рычаги, как вожжи, вправо, влево...

Отец убрал свои руки, и Сашка судорожно сжал вибрирующие рычаги, отчего правый отклонился назад и трактор повернул направо. Он торопливо потянул левый, и трактор круто развернулся влево...

– Не рви, – сказал отец. – Мягко тяни... Возьми сейчас немного правее, а то мужиков задавим...

Сашка осторожно потянул правый рычаг, и трактор плавно повернул вправо, объехал рубящих сучья мужиков, среди которых выделялся Василий, сильнее и чаще остальных размахивающий блестящим на солнце топором.

– Отпускай! – скомандовал отец.

Он бросил рычаг.

Трактор поехал в сторону леса.

– Бери еще вправо, на место поставим, – сказал отец.

Сашка встал на дрожащий железный пол, потянул рычаг, уже не сомневаясь в послушности этой большой и сильной машины.

– Ну и как, нравится? – спросил отец, нажимая ногой на педаль, передвигая рычаг, отчего трактор замер на месте.

– Да, – кивнул Сашка, с неохотой вылезая из горячей кабины.

– Я тебя научу, – пообещал отец. – Сейчас Ваньке надо работать.

– Когда научишь? – спросил Сашка.

– Да вот как-нибудь приедешь со мной на целый день и покатаешься...

Отец помог ему спрыгнуть.

Из-под навеса вышел Ванька, не спеша направился к ним.

– А ведь он ее так когда-нибудь и в самом деле прибьет! – неожиданно прокричал он. – Дурак Васька, на нары захотел...

– Ревнивый он сильно, – сказал отец.

– А чего ревновать?.. Нашел принцессу... Да меня на нее вожжами не затащишь. – Он выплюнул замусоленный окурочок. – Баб вокруг – завались. Гуляй – не хочу, чего к одной лепиться...

Цвиркнул через дыру на месте переднего зуба – плевоч улетел далеко вперед – встал на гусеницу, обернулся.

– А щук-то хоть поймали?

– Поймали, – ответил отец.

– Поедем домой, покажешь...

Ванька залез в кабину, трелевочник взревел и бодро покатил к очищенному дереву.

– Пойдем крапивы нарвем, – сказал отец и направился к дрезине.

Они перешли узкоколейку, по протоптанной широкой тропинке прошли через небольшой низкорослый сосновый лес, перемежающийся зарослями можжевельника, и вышли к

деревне. Была она совсем маленькой (два десятка домов стояли по сторонам короткой улицы) и пустынной.

Отец уверенно прошел к ближнему, стоящему чуть в стороне и выглядевшему поновее дому, на котором висела квадратная дощечка с тремя большими буквами «ОРС» и ниже, помельче, – «Магазин», поднялся на вышарканное сапогами крыльцо, вошел в распахнутую настежь дверь.

За деревянной, покрытой грязными пятнами стойкой на табурете сидела, подперев ладонями щеки, девушка. Перед ней лежала потрепанная книга. Она подняла глаза, взглянула на вошедших.

– Здравствуй, Танечка... – весело произнес отец, опустив руки на прилавок. – Замуж еще не вышла?

– За кого?

Девушка встала, перекинула со спины на грудь большую толстую косу (таких Сашка никогда прежде не видел – ниже пояса).

– Да за тобой вон все ребята гуртом ходят, а ты никак не выберешь...

– Они не за мной, они за вином приходят...

– Эх, был бы я помоложе...

– А и так в самый раз, – прищурилась Танечка, наклонилась через прилавок, отчего из-под цветастой блузки выглянули налитые белые груди.

– Значит, был бы не женат... – неожиданно смутился отец и подтолкнул Сашку вперед. – Между прочим, это мой сынишка...

Татьяна скользнула взглядом по Сашке.

– Не похож...

– Похож, – не согласился отец. – Ладно, ты скажи, где у вас тут крапивы можно нарвать?

– Крапивы? – Она вдруг залилась смехом, похожим на перезвон колокольчиков. – Зачем тебе крапива?

– Да мы тут щук на озере наловили с Санькой. – Он посмотрел на сына. – А жарит же, боюсь, не доведу...

– А крапива зачем?.. Бить, что ли, щук будешь?

– А крапива как раз охладит...

– Никогда не слышала.

– Проверенное средство... Так есть крапива в вашей деревне?

– Да за магазин зайдите, я там видела...

– Пошли, Санек...

За магазином действительно торчало несколько кустов крапивы, и отец, быстро и ловко прихватывая их под самый корень, наломал, сложил.

– Сходи, попроси у тети Тани какую-нибудь бумажку ненужную, обернуть, чтоб руки не обжечь.

– Не пойду – буркнул Сашка.

– Почему? – Отец пристально посмотрел на него.

– Не пойду, и все...

– Как хочешь...

Он быстро взбежал на крыльцо, вошел в магазин, прикрыв за собой дверь.

Пробыл он там довольно долго, вернулся с вырванными из книжки страницами, обмотал ими стебли.

– Ну что, пошли обратно?

Сашка кивнул.

– Может, тебе чего купить? – спросил отец. – Леденцов, а?

– Не хочу.

– Не хочешь – не надо...

Он поднялся на крыльцо, крикнул, не заходя в магазин:

– Бывай, Танюша – красивая коса...

...Обратно шли быстро, отец сказал, что надо поторопиться, чтобы не держали из-за них дрезину, и их действительно ждали.

Уже на платформе они укладывали крапиву в мешок и перекладывали ею щук, поэтому мужики увидели улов и высказались кто как хотел. Пришли к единодушному мнению, что улов средний, ловили, бывало, и крупнее, на семь и больше килограммов, особенно по весне, когда настоящий жор бывает, но летом и такой улов редкость.

Отец согласился, что не самая удачная рыбалка получилась, но он еще свою десятикилограммовую выловит...

В стороне от мужиков на краю платформы сидел и беспрестанно курил Василий. Настена с Варварой теснились на дрезине, не захотев ехать с мужиками. Когда Настена залезла в кабину, Сашка видел, что лицо у нее опухло и было неприятного синего цвета. И одного глаза совсем не видно.

Василия мужики не задевали, он так и просидел в одиночестве до самого города, а потом сразу же подбежал к дрезине, стал говорить Настене, что он погорячился, все контузия виновата, потому что когда злится, ему видится всякое... Сколько раз врукопашную ходил, когда в штрафбате был... И что не надо ей к матке идти. И надо обратно вернуться, домой...

Варвара повела молчаливую Настену вдоль путей в сторону леспромхозовских домов, а он понуро побрел следом, продолжая виновато говорить...

Солнце уже скатилось к крышам Суриковского хутора, было свежо и приятно. Они шли с отцом по темнеющим улицам, и неожиданно Сашка сказал:

– А она совсем не похожа на Таню.

– Кто не похож?

– Да эта, с косой... В магазине...

– Но ее так зовут.

– В театре была Таня, у нее две маленькие косички...

– В театре? – вопросительно повторил отец и догадался: – А... ты о спектакле, который мы в Осташкове смотрели?... Действительно, не похожа. Там совсем другая Таня...

И они замолчали.

...Мать облегченно вздохнула, увидев их. Тут же взялась разделять рыбу (пока та не пропала), перекрутила и даже пожарила на керогазе котлеты.

Сашка съел одну и пошел спать, глаза уже сами собой закрывались. И приснилась ему некрасивая синяя Настена, у которой была длинная и толстая коса. И было ему во сне так Настену жалко, что он заплакал...

Мужские забавы

Сплавная контора расширялась: за Селезнями, в верховьях Двины, леспромхоз начал валить лес, и теперь ежедневно катера тащили вниз по реке плоты. Изгибающиеся, словно живые, эти огромные ленты привлекали мальчишек возможностью прокатиться от остатков моста (в этом месте катера шли на самом малом, чуть быстрее, чем течение, и с особой осторожностью) до изогнутой песчаной косы, городского пляжа на другом конце города. За косой, в устье небольшого ручья, и базировалась сплавная контора, занимая все больше и больше места прибывающими катерами.

Пацанов с плотов гоняли матросы, боясь, что те могут попасть под глени и утонуть. Это придавало короткому путешествию оттенок состязания между пловцами и плотогонями и манило еще больше.

Отработав всю воду, с первым ледком катера вставали в отгороженный вдоль берега затон на зимнюю стоянку и ремонт. Один кузнец уже не справлялся с работой, и в помощь к Михаилу Привалову начальство приставило пришлого, недавно освободившегося из заключения мужика. Звали его тоже Михаилом, и, в отличие от Привалова, которому тот был ростом по плечо, в городе его окрестили Мишей-маленьким. Несмотря на незавидный рост, Миша-маленький исправно махал молотом, не прося передыха, и на блестящее от пота, играющее мускулами его тело забегали (по выдуманной надобности) поглядеть конторские бабы, заглядывали и леспромхозовские молодки (их контора была недалеко), и Миша-маленький охотно брался исправить изношенный нож или выгнуть кольцо для калитки, но на приглашение незамужних молодух зайти после работы отказывался.

Появился он еще в августе, когда в последние теплые деньки лета коса собирала подростков со всей правобережной стороны, но уже не столько покупаться в холодеющей с каждым днем реке, а чтобы восторженно встретиться после недолгой разлуки (кто ездил в пионерский лагерь, кто в гости к родственникам в недалекие деревни или даже в Смоленск) и погреться на слабеющем солнышке.

В кузнице в эту пору работы было немного, и в обеденный перерыв Миша-маленький приходил на косу, теряясь среди пацанов из-за своего роста и одновременно выгодно выделяясь мускулатурой.

Старшеклассницы и задержавшиеся на отдыхе студентки провожали его откровенно заинтересованными взглядами и старались оказаться как можно ближе к нему. Пацаны же наблюдали за ним исподлобья, сбиваясь в группки и обсуждая свое, неотложное. И в первые дни его появления получалось, что как только он заходил в воду, вокруг тут же начинали плескаться одни девчонки, а выходил – пацаны словно по команде бежали в реку.

Но через пару дней Миша-маленький подошел к группке самых взрослых пацанов, присел рядом, бросил на желтый песок колоду карт, предложил:

– Ну, кто в очко со мной, по копеечке...

Тимка, верховодивший в отсутствие Петьки Дадона, уехавшего на недельку к тетке в Вильнюс, окинул того долгим взглядом, оценив бугрящиеся мускулы и татуировку на предплечье, гласившую «Мал, да удал», а чуть ниже – «Век свободы не видать», лениво подгреб колоду, перевернул, словно убеждаясь в подлинности карт, произнес:

– А чего по копеечке, можем и по рублю...

– Ну, по рублю еще рановато, – двусмысленно отозвался Миша-маленький и протянул Тимохе руку, признавая в нем старшего.

– Михаил...

– Тимофей, – помедлив, отозвался Тимка.

Миша-маленький обвел взглядом остальных, но ручкаться с ними не стал, скинул карту Тимке, потом себе, снова Тимке... Тот, опять же неторопливо, словно раздумывая, поднес карты к глазам, сказал:

– Давай еще...

Миша-маленький прищурился, взглянул, словно выстрелил, на Тимку и медленно потянул карту.

– А может, передумаешь?..

– Давай, не жлобься, – грубовато бросил тот, приложил взятую карту к остальным, уставился в разноцветный веер в широкой руке, с большими шишками сбитых костей, стал считать, от напряжения шевеля губами.

Миша-маленький окинул взглядом пацанов, усмехнулся.

– Перебор!

Тимка бросил карты.

– Десятка с прокладкой, – весело произнес Миша-маленький, ловко тасуя карты и оглядывая настороженных пацанов.

Колода словно летала по воздуху, совсем не касаясь его ладоней, и в то же время перед глазами возникала то одна раскрытая карта, то другая, наконец этот полет закончился стремительным выбросом двух карт в сторону Тимки.

Тот, помедлив, осторожно взял их, тут же затребовал еще одну и, не ожидая, когда Миша-маленький возьмет себе, довольно улыбаясь, выложил перед собой туза, шестерку и даму.

– Двадцатка...

– Ай-яй-яй... Хорошая прокладка, почти десятка...

Миша-маленький перевернул свою закрытую, это была десятка, и тут же набросил сверху туза.

– Очко...

И, обведя взглядом пацанов, пока колода продолжила в его руках свой неуловимый притягательный танец, предложил:

– Так что, может, еще кто присоединится... По копейке?..

– Давай еще.

Тимка вытянул руку, одну за другой взял две карты и со вздохом облегчения бросил их на песок.

– Очко!

– Резонно.

Миша-маленький поднял руки.

– Против лома...

– Я и говорю, мы можем и по рублю, – поднимаясь, произнес Тимка. – Только нам окунуться надо.

И неторопливо пошел к воде.

Пацаны, отряхивая налипший песок, потянулись за ним.

Миша-маленький спрятал колоду под одежду и, быстро перебирая мускулистыми ногами, разбежался, высоко подпрыгнул и вытянутыми руками вошел в воду рядом с остановившимися пацанами.

Не выныривал он долго (те уж заволновались: мало ли какой валун мог оказаться на пути) и появился там, где не ожидали, почти на середине реки, возле самого борта катера, тянущего плот.

Оттуда, перегнувшись, что-то стал кричать матрос, потом и капитан выглянул из рубки, грозя кулаком одновременно и ему, уже поднимающемуся на первую гленю, и пацанам, торопливо плывущим от берега, – погрозил и исчез, понимая, что больше ничего сделать не может,

а матрос подхватил багор, пробежал на корму, выставил его на пенную струю от винта, уходящую к плоту, и тоже замер, не зная, что делать дальше.

Миша-маленький прошел по гленим к подплывшим пацанам, вместе с ними стал нырять и возвращаться обратно, пока не прыгнули с последней глени, а плот уже плыл ниже затона сплавной конторы, им пришлось долго потом идти по каменистому берегу к пляжу, и по пути он познакомился со всеми и стал своим.

Еще несколько дней продержалась жаркая погода, и в обеденный перерыв Миша-маленький обязательно спускался на пляж, но уже не купался, а играл с пацанами в карты. Играли по копейке все, даже самый младший в компании Колька Жбанов, который прилепился к взрослым пацанам благодаря тому, что жил как раз напротив пляжа и был незаменим во время долгих летних бдений, доставляя изголодавшимся купальщикам с огорода огурцы, яблоки, а то и шмат сала с хлебом. Колька Жбан учился в одном классе с Сашкой Жовнером, но в отличие от сверстников не выглядел угловатым, тело его было налитым и округлым, а лицо, увенчанное светлыми кудряшками, напоминало девчоночье. Он нравился всем девочкам в классе и даже старшеклассницам, может, поэтому не очень-то дружил с одноклассниками, но зато был вхож во взрослые компании и уже не раз наравне с ними пробовал вино и тайно покуривал.

Миша-маленький Жбана сразу выделил, стал опекать, пообещав всем сделать из него классного игрока, и, вероятно, поэтому Колька тоже иногда выигрывал. Но чаще всех в выигрыше оставался Миша-маленький, и к концу купального сезона все (меньше остальных – Тимоха и Жбан) были ему должны. Последний раз собирая колоду, уже под набежавшими синими облаками, готовыми вот-вот разразиться дождем, Миша-маленький еще раз напомнил пацанам, что святее карточного долга ничего нет, но тут же сообщил, что прощает всем их долги, амнистирует за похвальное поведение, а так как у него недавно была получка и Привалова сегодня на работе нет (отпросился по семейным делам, скорее всего, к зиме баньку достроить на меже с огородом деда Сурика), пригласил обмыть это дело красненьким.

Предложение это оживленно поддержали Тимоха, Ванька Хрен (Хренин), он закончил весной восьмой класс и еще не выбрал, куда пойти работать: в леспромхоз подсобником или в сплавную учеником моториста; Ванька Приблуда, бросивший школу после шестого класса и уже два года работавший на мебельной фабрике (там директором был друг его погибшего отца Ивана Приблуды, он и взял недомерка на всякие поручения, пока годы не выйдут, чтобы к чему настоящему пристроить), и Колька Жбан. Последний по просьбе Миши-маленького побежал домой за салом, луком и бурыми помидорами. Приблуду отправили в дальний леспромхозовский магазин (аж к узкоколейке) за хлебом (там пекли вкусный, духмяный). Тимоха, как самый старший, вместе с Мишей-маленьким пошли в магазин, принадлежащий сплавной, покупать вино.

Широкая дебелая продавщица Клава, краснея пухлыми щеками, на стук двери шустро выкатила из подсобки, на ходу что-то прожевывая и окидывая взглядом маслянистых глаз вошедших.

Было ей чуть за тридцать, мужик ее, шепутной и драчливый Степан Мостовой, где-то в Карелии отбывал срок за поножовщину по пьяной лавочке. Клава изнемогала в одиночестве (детей Бог не дал) и в телесном томлении порой зазывала какого-нибудь не совсем завалящего мужичка помочь переставить в подсобке ящики.

После совместной непродолжительной работы она весьма охотно расплачивалась натурой. Правда, большинство перебивавших в подсобке натуру, даже такую податливую, считали довеском к более существенному, тому же плодово-ягодному местного розлива, и, обиженно вздыхая, Клава уступала уговорам, удивляясь, отчего ее пышущая жаром натура не удовлетворяет мужиков. Путем длительных сравнений и сопоставлений она пришла к выводу, что просто ей попадают не те помощники, и стала приглашать еще не привыкших к кислятине подростков, приезжающих на отдых к родственникам из больших городов и забегавших за конфетами

для своих девочек. И ей даже начало нравиться безусое скорое неистовство на ее пышном теле худосочных помощников, но только при виде Миши-маленького она томилась по-настоящему, до слабости в нижней части тела, воображая, как мяли бы ее мускулистые руки помощника кузнеца. (Степка ее был хоть и жилистым, но худым, не за что подержаться...)

Мишу-маленького она попросила подсобить уже во вторую встречу и, совместно переставив бочку с ржавой селедкой, тут же оголилась, выпростав обе налитые и розовеющие бубончиками груди, сама положила на них его ладонь, ожидая, что та сейчас сожмет их до желанного стога, но тот ладонь невежливо выдернул. Клава так и замерла, топорщась грудями и хлопая глазами.

– Ты, это... спрячь добро... – сказал Миша-маленький. – Побереги зрелость для мужа...

– Перезрею, пока объявится-то, – обронила она, но лямки сарафана на плечи натянула, грудь запахла. И не преминула подколоть: – А ты малохольный, али как?

– А я братков не предаю...

– Ну-ну, – не поняла Клава и вздохнула, отгоняя вновь нахлынувшее желание, уж так от Миши-маленького мужиком пахло...

После того виделись они нередко, но Клава помочь больше не просила, хотя взгляд на мускулистой, блестящей от пота фигуре, прикрытой синей майкой, задерживала не таясь...

...Миша-маленький окинул взглядом скудный прилавок, сказал Тиме, что несолидно бормотухой обмывать их дружбу, и попросил у Клавы одну беленькую и бутылку недешевого портвейна.

– Чистенькую для нас с тобой, – пояснил он Тимохе, поднимая его в собственных глазах, отчего тот сразу признал Мишу-маленького пожизненным другом, а себя – его должником.

– С чего гуляем? – поинтересовалась Клава, выставляя бутылки и беззастенчиво разглядывая Тимоху, которого видела впервые. И строго добавила: – А этого я не встречала, приезжий?

– Наш это, наш, – пряча водку в карман широких штанов и передавая портвейн Тимке, отозвался Миша-маленький.

– Наших я всех знаю, – не согласилась Клава, продолжая разглядывать длинного, на голову выше Миши-маленького, мосластого, но уже набирающего мышцы и мужскую тяжесть Тимоху.

– Да наш я, тетка, – пробасил тот и, втянув загорелый живот, вставил бутылку за ремень, выпустил сверху застиранную рубаху.

– Какая я тебе тетка, – фыркнула Клава, – племянничек нашелся... – И пожалела: – Поди, без закуски...

Прошла в подсобку, вернулась с полукольцом колбасы, селедкой, завернутой в промасленную газету.

– Нат... Хлеба у меня нет, кончился...

– Хлеб у нас найдется. – Миша-маленький выгреб из глубокого кармана мелочь. – Сколько за это насчитала?

– А ничего... Закусите хоть...

– Ну, Клава... – Миша-маленький развел руками и предложил: – А ты свою лавочку закрывай да айда с нами...

– Куда это с вами? – заинтересовалась та.

– А мы вот у меня, в кузне...

– Ну да, рестора-ация... – протянула она. – Идите уж...

Венька Хрен, ожидавший их у магазина, тоже оценил щедрость нового приятеля, хотел разглядеть бутылки, но Миша-маленький велел не суетиться и просочиться в кузницу незаметно, рабочий день еще не закончился, мало ли что взбредет в голову начальству. Так оно и

вышло: у входа на территорию, перед хлипкими, но металлическими воротами, их встретил Гордеев, начальник сплавной.

Был он грузен, одутловат лицом и, невзирая на прошедшее лето, белолиц и белотел. Может, оттого, что ходил в любую жару в изрядно поношенных форменных рубашке и штанах. Но если в будние дни такая одежда особого авторитета ему не придавала (намозолила глаза), то парадный морской китель с наутюженными новыми штанами и рядами боевых орденов и медалей, погоны и, главное, кортик, составляющие атрибуты праздничного парадного вида, впечатляли и давали сплавникам веское основание, даже несмотря на трудовые дела (которые, кстати, были неплохими), гордиться своим предприятием. На майских и ноябрьских демонстрациях Гордеев неизменно шагал в самых первых рядах вместе с руководителями города и иными героями фронта и тыла и был единственным моряком в этом сухопутном городе. Прислали его сюда для организации сплавной конторы три года назад из Ленинграда, где он прожил всю свою бессознательную и сознательную жизнь, и воевал он где-то там же (или в северных водах) – был командиром боевого катера. В Ленинграде и теперь жили его жена и две дочери, они приезжали сюда на летние месяцы, как на дачу, все трое целыми днями вылеживали на берегу, и всех троих, ослепительно белых, казалось, солнце не брало; дочери были уже взрослые, широкобедрые и рыжие, жена – объемная, но с роскошными каштановыми волосами, падающими почти до пояса.

Они загорали обычно на территории сплавной, расстелив на расчищенное рабочими от камней место старое суконное одеяло, и мастеровые из ремонтных цехов, перекуривая, рядком высаживались на кособоре, сверху изучая городские тела и отмечая, что в молодости женка директора была, похоже, жгучей девкой, оттого, видать, он такой пришибленный и ходит.

Но пришибленным Гордеев ходил по другой причине. Когда его сосватали на эту должность, сорвав с вполне приличного места в Ленинграде, он думал, что в считанные месяцы наладит работу и вернется обратно. Поэтому и жить устроился в общежитии леспромхоза (где обитали одинокие, в основном приезжавшие подкалымить в сезон на лесозаготовках), и семью на переезд не настраивал. Одним словом, приехал, как в недлинную командировку, которых у него на прежней работе бывало немало. Но спустя полгода, когда контора исправно отработала первую навигацию, его попросили подождать, пока не найдется достойная замена, через год сообщили о производственной необходимости продолжать руководить расширяющейся конторой. А когда этой зимой он, наконец, не выдержал и рубанул наотмашь: или увольняете, или уезжаю самовольно, на заседании бюро райкома КПСС (членом которого он был) недвусмысленно объяснили: уезжаешь – партбилет на стол и никакой тебе ответственной должности даже в таком большом и нуждающемся в толковых и проверенных руководителях городе-герое Ленинграде...

Партбилет Гордеев не бросил, понимал, чем чреват такой безумный поступок, но с того дня потерял всякий интерес к работе, и только благодаря тому, что производство уже было отлажено, а кадры он умел подбирать и подобрал отменные, контора эффективно развивалась, готовясь к еще большим трудовым достижениям в очередной навигации...

...Гордеев вопросительно уставился на Мишу-маленького, с трудом уходя от своих мыслей, привычно произнес:

– Почему не на рабочем месте?

– Да вот, юное поколение изъявило желание ознакомиться с рабочей профессией молотобойца с целью продолжения дальнейшей полноценной и полезной жизни... – нашелся Миша-маленький и, не очень сам понимая, что сказал, добавил: – В порядке шефской помощи школе...

– Молотобойца, говоришь...

Гордеев оглядел Тиму и Хрена.

– А не жидковаты ли?..

– А мясо нарастет, были бы кости... – с вызовом произнес Миша-маленький, засовывая рукой в кармане бутылку между ног и одновременно придирчиво окидывая взглядом живот Тимохи: портвейн не выпирал.

– Ладно... А ты в каком классе?.. – уставился Гордеев на Тимоху.

– В десятый собираюсь, – не смутился тот. – А может, еще и не пойду, работать подамся...

– Троечник?

– Как положено...

– Тогда лучше работать, – бросил Гордеев, неожиданно нахмурился, и пошел в сторону магазина.

– Десятка с прокладкой, – с облегчением выдохнул Миша-маленький, махнул рукой и, быстро перебирая короткими ногами, пересек пыльный двор и растворился в черном проеме расположенной на отшибе кузницы. Тима и Хрен юркнули следом и стали привыкать к переходу от света в темноту.

– Не жмурьтесь, рано еще, – раздался голос Миши-маленького. – Загребай сюда...

В дальнем углу, за горном, он (преодолев сопротивление Привалова) выгородил из горбылей уголок, где устроил невысокие нары, набросал на них промасленных рваных полушубков (у мотористов набрал) и какого-то тряпья и во времена ничегонеделания отлеживался в тени в жару и в тепле по холодку, а то и на ночь оставался, когда не хотелось идти в общежитие, где в комнате с ним проживали еще трое невесть каким ветром занесенных в эти места латышей, пахавших в леспромхозе, молчаливых, некомпанейских, между собой и то почти не говорящих; с ними в комнате даже лежать было тоскливо.

Он пытался в первые дни их расшевелить, соблазнял перекинуться в картишки или аккуратно и уютно посидеть за бутылочкой, но они делали вид, что ничего не понимают и ничего не хотят.

– Располагайтесь, – сказал Миша-маленький, усаживаясь на нары, подобрав кренделем ноги и сдвигая с необструганных досок тряпье.

Тима поставил рядом с водкой портвейн, Хрен выложил селедку и колбасу.

– Посуды мало, – сказал Миша-маленький, доставая откуда-то стакан.

Подул в него, поставил рядом.

– Где наш юный снабженец?..

И Жбан, словно ждал этих слов, возник в проеме, тяжело дыша, придерживая рукой топорщащуюся рубаху.

– Я по берегу, через дырку, – пояснил он свою запыханность, выпрастывая из-под рубахи и помидоры, и лук, и приличный шмат прошлогоднего сала.

– Поди, встреть Приблуду, а то еще на начальника напорется...

Ежели кто заинтересуется, скажешь, что, мол, молотобойцами собираетесь быть...

Тот понятливо кивнул и убежал.

Миша-маленький аккуратно все разложил на досках, велел Тиме и Хрену принести подходящих чурок из сложенных возле кузницы (ими разжигали горн), расставить их возле нар, так что теперь они все сидели ниже него и хорошо были видны. Рядом с собой он отвел место Жбану, потом посадил Тиму, рядом Хрена и на дальнем чурбаке – Приблуду.

– Все должно быть по правилам, – пояснил он, оббивая сургуч с бутылки маленькой блестящей финочкой, невесть откуда появившейся у него в руке. – Жбана я приблизил по его молодости и перспективности, так что вы его не трогайте... Тимофей смотреть за вами всеми будет, его место рядом со мной. А вы, – он пристально посмотрел на Хрена и Приблуду, – должны все, что он скажет, выполнять и место свое знать.

Он протер стакан пальцем, налил в него почти до краев водки, выпятил грудь, выдохнул, запрокинул голову и стал медленно вливать ее в открытый рот. Маленький кадык размеренно ходил вверх-вниз, не сбиваясь с выбранного темпа, словно зная, что за ним наблюдают.

Медленно опустил пустой стакан, хрустнул луковицей, бросил в рот отломанную хлебную корку, прожевал и только потом сказал:

– Покатилась... десятка без прокладки...

Налил ровно столько же, протянул стакан Тиме.

Тот растерянно поглядел на него, водку ему пить еще не приходилось.

Обычно они с Петькой Дадонем и другими пацанами перед танцами брали плодово-ягодное, а во всякие праздники – вино покрепче. Дадон после этого становился общительным и наглым, запросто знакомился с девушками и, как правило, с какой-нибудь и исчезал.

Пацанов тянуло на подвиги, они разбредались вокруг танцплощадки и в конце концов либо брали еще вина, либо непременно находили, с кем подраться. Дадон и Тимоху сводил с какой-нибудь девчонкой, тот пару раз танцевал, молчаливо отводя ее в перерыве между танцами к ограде и не отпуская от себя, потом она все-таки умудрялась вывернуться из его объятий, и он уходил подальше в заросли и тишину, устраивался на скамейке или просто на теплой земле и мечтал...

Тимоха неуверенно взял стакан, зажмурился и, широко раскрыв рот, опрокинул его, влив в себя содержимое за три глотка, и, не успев толком сообразить, что почувствовал, тут же откусил луковицу, морщась от горечи то ли водки, то ли лука и ощущая, как заслезились глаза.

– Закусывай, Тимофей, закусывай...

Миша-маленький полоснул сало, бросил пластик на кусок хлеба, подал Тиме.

– Пить в нашей жизни надо уметь. Плохо, что этому в школе не учат. Недопонимают учителя... И правительство недопонимает, что русскому человеку такая грамотешка необходима.

Он плеснул в стакан портвейна, протянул белокурому Кольке Жбану, и тот торопливо зачмокал, закашлялся и половину вина выплевал, но Миша-маленький сделал вид, что ничего не заметил, передал стакан Хрену – тот выпил привычно, обтер губы тыльной стороной ладони и только потом взял кусок колбасы.

Приблуда пил долго, словно заталкивая вино в себя, но все-таки стакан допил и стал быстро заедать всем, что подвернулось под руку, ни на кого не обращая внимания и держа в поле зрения еду.

– Еще по одной. – Миша-маленький теперь налил полстакана и выпил одним махом.

Достал из-под тряпья пачку «Беломора», прикурил, выпустил кольцо дыма, неторопливо налил в стакан, кивнул Тиме. Тот помедлил, ему уже было тепло и легко, и Миша-маленький, возвышавшийся над ним, казался самым близким человеком (даже ближе Дадона, с которым они дружили с самого рождения); он потянулся к стакану, но почему-то взял блестящую финочку с наборной удобной рукояткой.

– Нравится? – спросил Миша-маленький. – Сам сделал... И вам сделаю...

Хрен протянул руку, и Тима отдал финочку ему, а сам наконец дотянулся до стакана, выпил, не ощущая вкуса, помедлил, размышляя, надо ли чего-нибудь съесть.

– Закусывай, закусывай, – подсказал Миша-маленький. – А то сблудешь все, деньги на ветер...

И сунул ему в рот помидор.

Пацанам тоже пополовинил, оставляя еще на третий заход, потому что меньше трех не должно быть, и дал папироску Хрену, единственному, кто курил, кроме него, по-настоящему, а протянутую руку Жбана отбил и сказал, что ему с его личиком курить совсем не пристало. И ласково погладил по щеке.

Тот надулся было, но тут же, безошибочно угадав, что Мишамаленький к нему благосклонен, просительно произнес:

– Я тоже такую финочку хочу.

И завертел, закурил в руках отблескивающее, даже издали вызывающее неприятный холодок в животе лезвие.

– Сделаю я тебе, – пообещал Миша-маленький, ласково глядя на Жбана.

– И мне не помешала бы, – сипло сказал Хрен и откашлялся, бросил папироску в сторону горна.

– Тебе тоже сделаю, – расщедрился тот, поглаживая Жбана по голове. – Я вам всем сделаю, но не сразу... – И после паузы веско добавил: – Мужику без оружия нельзя...

Прикурив новую папиросу, собрался рассказать, как папаном нашел в окопах возле родной деревни недалеко от Москвы настоящий немецкий тесак (как новенький, сохранившийся в полуистлевшей шинели) и этим тесаком, когда в соседнем селе, куда пошел на танцы, зажали его за глухой стеной клуба местные, ударил, дико крича, их жоака, длиннорукого бугая, и тот, удивленно всхлипнув, стал оседать перед ним на колени, пока не скорчился, а он, сжимая в руке окровавленный тесак, кинулся на остальных, враз брызнувших по сторонам, и даже приостановился, прежде чем исчезнуть в темноте, ощутив себя сильным и неуязвимым... Собрался, но тут же вспомнил и все, что было потом, и передумал. И только веско добавил:

– С хорошей финкой ничего не страшно...

– Вот и я говорю, нужная вещь, – поддержал его Хрен, перекидывая финку с ладони на ладонь.

– Но баловаться не надо, – назидательно произнес Миша-маленький, забирая нож и пряча его где-то за спиной.

Подставил стакан ближе к себе, взял бутылку, но налить не успел, в дверном проеме, перекрывая свет, вдруг возникла широкая фигура, и он дернулся было, чтобы спрятать водку, но признал Клаву.

– Кто к нам пришел...

– Приглашали – пришла...

– Ну-ка, пацаны, кресло мадаме...

Тима вскочил, пьяно качнулся.

– Ты сиди, Тимофей, не твое это дело, – жестко произнес Миша-маленький. – Приблуда, чего сидишь?.. Быстро поднялся, усадил гостью... – Спросил Клаву: – Тебе чего налить?

– Беленькой... Капельку...

– Я так и думал.

Он плеснул полстакана, протянул.

– Много мне, – кокетливо произнесла Клава, беря стакан и опускаясь на чурбан, на котором до этого сидел Приблуда.

– Штрафная... До дна.

Миша-маленький глянул в сторону двери: надо бы закрыть от всяких глаз, но тогда в кузнице совсем темно будет...

– Да уж никого нет, – словно угадав его мысли, сказала Клава. – Рабочий день-то закончился.

– Да начальник тут шастал...

– Начальник пошел...

– Вернуться может.

– Не вернется...

Клава короткими толстыми пальчиками подхватила кружок колбасы, медленно выпила, поморщилась и, жуя, произнесла:

– Горькая... Ух!..

И, прожевав, похвасталась, не удержалась, хотя и просил ее Гордеев не разносить по округе.

– Начальник теперь через меня всегда проходит... – Упреждая возможные вопросы, пояснила: – Он теперь тоже выпивает. Каждый день.

– Во дает... А на вид не скажешь, – удивился Миша-маленький. – С тобой, что ли?

– Отчего ж... Я ему неинтересна... Как некоторым... В подсобке.

Я ему там закуски приготовлю, бутылочку поставлю, а сама у прилавка...

– А чего ж он дома не может?

– Стесняется... Говорит, одному неловко, а в компании не положено.

– Бедняга, – искренне пожалел Миша-маленький, вылил себе остатки водки, выпил, не закусывая, закурил папиросу, грубовато поинтересовался: – Ну, хоть щупает?

– Кто?.. Гордеев?.. Да он же старик, – хихикнула Клава.

– Старый конь борозды не испортит...

– По мне, так лучше пусть молоденький егозит. – Клава опять хихикнула и поглядела на Тиму.

Тот смутился, потянулся к стакану, но Миша-маленький остановил:

– Вам хватит... Мы вот с Клавой сейчас портвейнчик допьем, пока видно еще...

И он, подняв бутылку, постарался чего-то разглядеть в уже ощутимых сумерках, налил в стакан, протянул Клаве, и та, не спуская глаз с Тимы, опять так же медленно выхлебала не закусывая.

Миша-маленький долил остальное, быстро выпил, соскользнул с нар, не терпящим возражений тоном сказал:

– Пошли купнемся, засиделись...

И первым вышел в начинающую густеть темноту.

Подождал заторопившегося следом Жбана и пошел к дыре в заборе, открывающей, помимо ворот, уже запертых, самый короткий путь к реке. Оглянулся еще раз, за Жбаном шел Приблуда. Остальные, похоже, задерживались, и Миша-маленький не стал их ждать, быстро спустился на пляж с еле различимым противоположным берегом, бросил на песок одежду, голяком вошел в реку и поплыл, громко фыркая и шлепая в темноту, метя на бакен, покачивающийся на самом стрежне, но на полдороге передумал и так же шумно вернулся обратно.

Жбан и Приблуда разделись, но купаться не стали, они лежали на остывающем песке, и Миша-маленький, раздвинув пацанов, лег между ними, стал поглаживать упругую и источающую сухое тепло спину Жбана, волнуясь и с трудом сдерживая себя.

– Чего хорошего в этих бабах, – вдруг вырвалось у него и захотелось рассказать, как по возвращении с отсидки попал он в притон, где обмывали волю познавшие нары, и крепко пьяного, ни разу не целованного, положили его между двух голых баб (одна из них была толстой и противно пахла, а другая – до жалостливой тошноты худой), и хозяин притона напутствовал его словами, что все бабы устроены одинаково, нечего в них искать загадочного и сладкого, у одной только мяса больше, а у другой кости гремят, и как ему ни противно было, но с помощью горячих женских пальцев он положенное сделал, потыкался в одну и другую и тут же сбежал, теперь уже совсем не сомневаясь, что гораздо приятнее лежать на нарах, обнявшись с такими же пацанами, как сам, ощущая запах здорового мужского тела... – Лучше мужской дружбы ничего не бывает... – потянул он к себе ладное тело Жбана, почувствовал его сопротивление, неохотно убрал руку, сел.

– Я тебе финку сделаю, – негромко пообещал Кольке, успокаиваясь.

И, поднимаясь, велел:

– Давайте-ка по домам... И чтоб мамкам не проговорились, где вино пили... И вообще, обо всем, что мы говорили, молчок... Десятка с прокладкой...

– Понимаем, не маленькие, – отозвался Приблуда.

Миша-маленький повернулся и, не ожидая, послушаются его или нет, пошел обратно к лазу.

У дверей кузницы, все так же распахнутых настежь, помедлил: из темноты доносились приглушенные сдавленные всхлипы, поскрипывание нар, он шагнул внутрь, остановился, при-

выкая глазами, и наконец разглядел на нарах шевелящийся белый клубок, не зная, кто еще там кроме Клавы (ее толстые белые ноги, задранные вверх, были хорошо видны), и спросил:

– Клава, кого ты там обучаешь?

Та ойкнула, ноги резко опустились вниз, но до конца не упали, чей-то белый зад вздернул их обратно, и она со смешком ответила:

– Да обоим приходится... Уже вот закончила... Может, теперь ты меня поучишь?

– Не научилась... – буркнул Миша-маленький. – Постель всю уделали...

Клава отодвинула куда-то за спину то ли Тиму, то ли Хрена и теперь распласталась перед ним, белея уже всем, чем только можно, и ожидая его, и он подошел, сдерживая дыхание, сунул руку под горячее и потное тело, нашарил в тряпье жесткую рукоять финки, резко выдернул, не заботясь о том, чтобы острое лезвие не коснулось белой плоти, повернулся и заторопился обратно...

За углом кузницы он увидел сидящего на корточках полуголового Тиму, спросил зачем-то:

– Познал?..

И, не ожидая очевидного ответа, добавил:

– Все они одинаково... пахнут... Домой иди...

И почему-то подумал, что Хрену должны нравиться и запах пота, и большие сиськи, и разваленные бедра, неважно, кому это все принадлежит. И, сжимая финку в руке, побрел в сторону общежития.

...Что произошло потом, никто толком рассказать не мог. Да и сам Миша-маленький, хоть убей, не мог после вспомнить, из-за чего он полез на латышей (те утверждали, будто ни с того ни с сего заявил, что терпеть не может молчунов и что место им у параша), стал выкидывать их вещи из комнаты и, когда один из них попытался Мишу урезонить, вытащил финку и ткнул шибко смелого латыша в бок. Тот оказался и жилистым, и ловким и в последнее мгновение увернулся, отчего лезвие лишь скользнуло, развалив только кожу и не проникнув внутрь, а тут подоспели на помощь остальные двое, заломили ему руки («Уйдите, суки позорные!.. Всех зарежу!»), связали руки, ноги ремнями, бросили на кровать, раненого уложили рядом, перевязали куском простыни, один из них сбегал в леспромхозовский медпункт, за дежурным фельдшером, а по ходу завернул и в милицейский околоток, и два милиционера пришли раньше и утащили упирающегося Мишу-маленького, перед этим (не обращая внимания на наблюдающих латышей) несколько раз (для приведения в чувство) ткнув того немаленьким кулаком в закровеневшее лицо; потом прибежал и запыхавшийся толстенький и старенький фельдшер, сопровождаемый латышом, размотал окровавленную простынь, глянул на разваленное мясо, сказал, что внутренности не задеты, но шить надо и крови много вышло, и велел раненого собирать, пошел названивать в больницу (которая находилась на другой стороне), чтобы прислали какой-никакой транспорт. Но латыши ждать не стали, подхватили товарища под руки, доволокли-донесли до реки, там сорвали с цепи какую-то лодку, перегребли на другой берег поближе к больнице и доставили раненого прежде, чем полуторка, переделанная под медицинский фургон, смогла тронуться.

С латышом все обошлось, и шибко злым на Мишу-маленького он не был. И хоть Гордеев тоже характеризовал его положительно (постаралась Клава, нашла чего доброго рассказать про него), за то, что он уже судился (да и резал тоже), дали ему срок немаленький и отправили на этот раз куда-то далеко, чуть ли не за Урал, так, во всяком случае, всем потом рассказывала Клава.

Привалов сильно переживал. Как коммунист он считал себя виновным в случившемся, потому что не успел перевоспитать оступившегося парня.

– И сдалась мне эта баня, – винился он перед мужиками, выходя из жаркой кузницы передохнуть. – Он у меня получше этого был... – И кивал на выходящего следом и покураивающегося в стороне тощего Веньки Хрена.

Пионерское лето

Последнее пионерское лето (в седьмом классе вступают в комсомол) Сашка провел замечательно. Сначала его отвезли в Смоленск к мамину дядьке (Сашка называл его, как и мама, дядей), отставному майору органов госбезопасности, который, выйдя на пенсию, организовал для родственников нечто вроде съезда на своей пригородной даче.

Сашке понравилась и дача (большой деревянный дом с высоким крыльцом и узкой длинной верандой), стоящая в сосновом бору, и хозяева (дядя Гена, большой, широкий и веселый, и тетя Тамара, в два раза тоньше его, задумчивая и незаметная), и разновозрастные родственники, а со Славкой, младшим сыном дяди Гены, который был на полгода старше и на полгода выше, они подружились.

Два дня взрослые отмечали знаменательное событие «обретения воли» (по выражению дяди Гены), чередуя застолье с походами на недалекое озеро, где мужчины обязательно устраивали состязательные заплывы, захлебываясь и долго потом откашливаясь, а женщины вручали победителю венок из желтых кувшинок; безмятежный сон на веранде или прямо у стены дома, в тенечке, на разостланных старых шинелях хозяина (их набралось несколько штук, и раскинуться раздольно можно было всем желающим), – с громкоголосыми прогулками по бору в поисках заведомо не выросших грибов. В этих походах, как правило, кто-нибудь (чаще всего парочки) терялся, и под дурманяще пахнущими соснами долго разносилось веселое ауканье.

Пацаны тоже увязывались за взрослыми и чаще всего изображали неуловимых и незримых обитателей этого бора, тайно подглядывая такую заманчивую взрослую жизнь.

Спустя два дня, изрядно уставшие и помятые, не совсем протрезвевшие гости стали разъезжаться, и дядя Гена, страдая от нахлынувших вдруг пустоты и тишины в гулких комнатах, уговорил Полину оставить Сашку погостить.

– Пусть он у нас побудет. Мы вот тут пару дней, а потом в город вернемся. У меня там еще дела всякие, а Санек город посмотрит. Я его в крепость свожу, в театр, ты же говорила, ему в Осташкове в театре понравилось... И на Днепре порыбачим...

– Действительно, пусть город посмотрит, – поддержал его Иван. – Будет что рассказать одноклассникам.

– Оставляй, Полечка, со своим управляемся, с твоим тоже ничего не случится, – присоединила свой голос немногословная тетя Тамара.

– Так и быть, – согласилась мать и стала наговаривать дяде Гене, чтобы никуда он Сашку одного не отпускал. – Заблудится один... Он ведь в больших городах не был никогда.

– Не волнуйся, Полюшка, ничего с этими басурманами не случится. Мой такие закоулки знает, что я и не подозревал об их наличии.

Хотя сама понимаешь, в какие тайны я по долгу службы посвящен...

– Но только на недельку, не больше... Я хочу его в пионерский лагерь еще отправить. Путевку на вторую смену обещали.

– А наш не захотел. Мы его каждое лето отправляли на две смены... А в этом уперся – сбегу, и все... – пожаловалась тетя Тамара.

– Понятное дело, надоели ему пионервожатые, – хохотнул дядя Гена чему-то своему и тут же серьезно добавил: – Переходный возраст, ничего не попишешь, на девчонок потянуло, а там ведь не дают попетушиться...

– Ну ты скажешь, – махнула рукой тетя Тамара. – Рано еще...

– Чего рано-то... Вон женилка-то как по утрам топорщится...

– Ну тебя.

Тетя Тамара ушла в дом.

– Не... Наш на девчонок еще не смотрит, – неуверенно произнесла Полина.

– Так я и поверил... Ладно, мужики – это не девки, в подоле не принесут. Мы можем не переживать, правда, Иван?

Дядя Гена подмигнул отцу, проводил гостей до калитки, махнул рукой ожидавшим в сторонке пацанам, издал пробасил:

– Остаешься, Санек, у нас, иди с родителями попрощайся...

Прощание было недолгим (Сашке не терпелось убежать к пацанам, которые ожидали его) и радостно-легким, после чего началась наполненная впечатлениями неделя.

Славку, казалось, знал весь город. Даже взрослые парни здоровались с ним, а среди сверстников в округе он был бесспорным лидером. Днями они пропадали на оставшейся на дне давнего карьера сажелке (когда строили микрорайон пятиэтажек, в котором дядя Гена и получил квартиру, отсюда брали щебень), заполненной мутной водой и превращенной в пляж окрестной детворой. В промежутках между купаниями они играли в карты, покуривали или делали набег в недалекий сад, бывший до строительства микрорайона пригородным, который вроде бы еще и охраняли, но не очень ретиво, и сторож (седой, но крепкий на вид мужик), вылезавший на треск веток из шалаша, сооруженного под старой раскидистой яблоней, лишь начинал их материть и чуть ускорял шаг, поигрывая увесистой дубинкой. Пацаны ссыпались с яблонь неторопливо, успевали подобрать с земли упавшие яблоки и легкой трусцой покидали сад. Идти на сажелку сторож не решался, это была не его территория.

Славка отбирал лучшие яблоки и первым делом нес их загоравшим на зеленой травке девчонкам, среди которых выделялась белокурая Ольга. Она была года на два старше: узкая талия, округлые бедра и вызывающе вздымающаяся грудь делали ее предметом внимания всех пацанов, холостых парней и даже взрослых женатых мужиков. В ответ на подношение она ласково улыбалась Славке и заводила вялый разговор, одновременно окидывая оценивающим взглядом прибывающих на берег, задерживая его на хорошо одетых мужчинах.

Других пацанов к Ольге Славка не подпускал и говорить сальности о ней тоже запретил.

У Ольги был и постоянный ухажер, невысокий плотный боксер Толя. Он уже работал и осенью собирался в армию. Появлялся он возле сажелки на исходе дня, неторопливо раздевался, аккуратной стопкой укладывая возле Ольги брюки, рубашку, ставил неизменно начищенные туфли и, поигрывая под женскими взглядами выпирающими мускулами, неторопливо шел к воде. Здесь он замирал на некоторое время, потом вдруг делал резкое движение вперед и почти без брызг нырял. Выныривал на середине сажелки и долго плавал в разные стороны в одиночестве, периодически приглашая Ольгу присоединиться к нему. Та, приподнимаясь, ответно махала смуглой рукой, но оставалась лежать в окружении подружек, гордясь, что такой видный и сильный парень увивается за нею.

Когда приходил Толя, Славка поднимал пацанов, и они возвращались в микрорайон, находя другие занятия. Чаще всего отправлялись болтаться по городу, выбирая каждый раз новый маршрут и по пути попивая газировку без сиропа (на большее чаще всего не хватало денег). Но однажды им повезло: под трибунами городского стадиона, куда они попали через щель в заборе, они нашли несколько полтинников, выпавшихся из кармана какого-то болельщика, – этого хватило и на сигареты, и на бутылку вина (у Славки была знакомая продавщица, которая его признавала за взрослого).

Вино тянули уже в темноте на берегу безлюдной сажелки, повзрослому закусывая дымом кислотных сигарет (Сашка сразу же закашлялся, его вырвало выпитым вином, и ни пить, ни курить он больше не рискнул), обсуждали девчонок, и Славка нарушил свой собственный запрет, сказав, что самая лучшая фигура у Ольги и что она обязательно будет его девушкой, и даже не девушкой, а женой.

Осмелевшие от вина пацаны стали говорить, что она старше и выше его, к тому же у них с Толькой все на полном серьезе, и когда она закончит школу, а Толька отслужит, они сыграют свадьбу, об этом уже все знают.

– Не будет свадьбы! – вскочил на ноги Славка и, как был, в сандалиях, брюках и рубашке, побежал в воду, споткнулся, упал, сбив о камни в кровь ладони, и тихо, но так, что всем стало не по себе, произнес: – Или будет моя, или ничья. . .

В субботу утром дядя Гена объявил, что пришло время культурной программе, но Славка наотрез отказался ходить по музеям, заявив, что ему там нечего делать, насмотрелся уже, что своих забот предостаточно, тот же велик отремонтировать (он месяц назад на спуске к сажелке врезался в обломок скалы и погнул колесо), тетя Тамара тоже сослалась на свои дела, и они пошли вдвоем.

Из долгого и медленного знакомства с памятниками истории и архитектуры Смоленска (дядя Гена повел Сашку пешком от самого дома до крепостной стены, а это заняло не меньше часа) ему запомнились больше всего тенистая прохлада парка возле красной стены и эскимо на палочке, которое купил ему дядя Гена. И еще запомнился изгиб быстрого Днепра, который был хорошо виден сверху. Дядя Гена сказал, что с рыбалкой, похоже, никак не получится, потому что лодки у него нет, а без лодки, с берега, ничего не ловится. Сосед же, на которого он рассчитывал, уплыл куда-то в верховья Днепра за большой рыбой на несколько дней. Но зато в театр они обязательно сходят. И поэтому на обратной дороге они специально сделали крюк, дошли до площади, на которой стояло отличающееся от всех остальных здание театра. И тут дядю Гену ждало разочарование: собственный театр уехал куда-то на гастроли, а в гостях был приезжий, осташковский, и шла арбузовская «Таня».

– Может, еще раз сходишь? – вопросительно произнес дядя Гена. – И я заодно с тобой. . . В театре давно не был и эту самую Татьяну не смотрел. . .

Но Сашка покачал головой и сказал, что второй раз ему совсем не хочется смотреть, что он хорошо помнит всю пьесу, хотя на самом деле он боялся, что на этот раз впечатление может оказаться не таким сильным и изменит то, первое.

– Ну, как знаешь, – согласился дядя Гена, и они пошли домой.

По пути он купил пару бутылок свежего пива (его разгружали в центральном гастрономе), настроение у дядьки улучшилось, и он стал убеждать Сашку, что это даже неплохо, что за один раз не удовлетворили все желания, будет еще повод приехать к ним в гости, а то, глядишь, после школы и учиться дальше надумает здесь в институте, и тогда уж будет время все посмотреть. . .

Сашка охотно соглашался, он нисколько не расстроился, потому что Славка сообщил, что они с пацанами идут пошататься по вечернему городу, и Сашка, отказавшись от глазуньи, настоятельно предлагаемой тетей Тамарой (Славка ждать не хотел), выскочил вслед за ним на улицу.

Оказалось, в планах было посещение танцев в центральном парке.

. . . В их маленьком городке тоже летом по вечерам за рекой (там была единственная в городке танцплощадка) проходили танцы, и в тихую погоду звуки духового оркестра доносились до их дома.

Взрослые ребята, возглавляемые Петькой Дадонем, ходили туда, и, как правило, эти походы заканчивались драками с заречными. В начале лета (перед тем как уехать к родне в Ярославль) Вовка Короткий тоже пошел с ними. Он надел новые штаны и белую рубашку – и то и другое потом тетя Женя долго отстирывала, кляня непутевого сына, драчунов больше-бережных, укатившего на заработки мужа, а заодно и залезших в огород и натворивших там безобразий собственных коз.

Сашка на взрослых танцах ни разу не был. На школьных вечерах он в основном простаивал у стенки, если только его не приглашала Надька Беликова. Танцевать с кем угодно ему не хотелось, а нравилась больше всех Катя, которая предпочитала всем остальным белокурого Кольку Жбанова, охотно шла только с ним и даже на дамские танцы приглашала только его. Пару раз Сашка приглашал Катю (когда Кольки не было), она танцевала, отстранившись от него и не говоря ни слова. С Колькой же все время о чем-то щебетала, улыбалась и прижима-

лась (это было видно всем), а Надька сказала, что по Катьке сохнуть даже не стоит, у них с Колькой настоящая любовь, почти как у Ромео с Джульеттой.

Про Ромео и Джульетту Сашка не читал; минувшей зимой он прочел книги Александра Дюма: «Трех мушкетеров» и «Виконтов...», каждый день после школы бегая через реку в городскую библиотеку, где в единственном экземпляре в читальном зале были эти книги.

Там, обычно в одиночестве, и читал их, засиживаясь до закрытия. И был уверен, что Катя похожа скорее на мадам Бонасье, чем на какую-то Джульетту... Может быть, даже на Миледи... И в первом случае ему хотелось быть темпераментным д'Артаньяном, а во втором – рассудительным и не знающим жалости Атосом...

Славка с пацанами опять взяли бутылку красного вина и, завернув к сажелке, распили ее (Сашка тоже немного глотнул), враз развеселившиеся и возбужденные, пошли на звуки музыки.

Танцплощадка была большой, освещенной со всех сторон мощными прожекторами. Под козырьком играл эстрадный оркестр (Сашка никогда прежде не видел таких инструментов). Народу было много, но большинство или стояли по сторонам площадки, или толпились перед входом, у которого, сурово нахмурясь, возвышались два мускулистых парня-дружинника с красными повязками, прикрывая собой худенькую, похожую на подростка женщину-контролера.

Славка оставил ребят на аллее недалеко от входа, сам куда-то исчез и, спустя несколько минут, вернулся злой.

– Все, пацаны, сегодня мы его проучим! – заявил он не терпящим возражений голосом.

– Кого? – робко и тоскливо поинтересовался Сашка, у которого хмель уже выветрился.

– Недогадливый у тебя брательник, – сказал Герка, лучший Славкин друг, он с первой встречи не испытывал к Сашке симпатии. – Толяна учить будем, деревня...

– За что? – опять удивился Сашка, тут и остальные пацаны загомонили, загоготали, хлопая себя по животам, словно он сказал что-то очень смешное.

– Ладно, ты останешься, – прервал гогот Славка. – Отвечать за тебя...

– Еще чего! – обиделся Сашка. – Надо так надо... У нас тоже из-за девчонок дерутся... Только старшекласники. И глупо это, ты же ее не заставишь с тобой дружить...

– Мал ты еще, – отрезал Славка, не вдаваясь в разъяснения, и повернулся к остальным: – В общем, так, пацаны, ждите меня на скамейке... – Он махнул рукой в глубину аллеи, где было потемнее. – Я скомандую, когда начинать.

Сашка обиженно стоял в стороне. Ему хотелось напомнить Славке, что он ненамного и старше, всего-то на полгода, а то, что выше ростом, еще ничего не значит, он еще догонит... Но пока он собирался все высказать, тот стремительно исчез.

Обида не проходила. Подумал, может быть, пойти домой, но отогнал эту мысль: все тогда решат, что он струсил. Хотя драться, тем более бить одного, не хотелось. Ему доводилось участвовать в уличных драках (с теми же заречными или леспромхозовскими, забредавшими на их территорию), суматошных, громких, жестоких, когда в ход шло все, что подворачивалось под руку, но после них кроме шишек и синяков всегда возникала жалость и к себе, и к такому же побитому и неудовлетворенному противнику. К тому же мушкетеры признавали честный поединок, и Сашка считал, что если Славке так хочется, он должен просто подраться один на один с Ольгиным ухажером. Конечно, в этом случае шансов у Славки никаких, но зато это будет честное поражение...

Пока ждали Славку, чуть несколько раз не сцепились с другими пацанами, а один раз даже пришлось убежать от дружинников, привлеченных эмоциональными Геркиными инструкциями, подкрепленными наглядными действиями, как вести себя в будущей драке.

Наконец в светлом конце аллеи появилась Ольга с подругой. Они приближались, весело переговариваясь и пританцовывая, чуть в стороне неторопливо вышагивал Толька, а следом

крался Славка. Как раз возле ожидавших пацанов он опередил болтающих подруг и встал перед Толькой.

Тот чуть не налетел на запыхавшегося Славку, удивился:

– Ты чего?

Герка глянул на пацанов, сделал пару шагов вперед и встал рядом со Славкой.

– Они пусть идут, – неожиданно охрипшим голосом произнес Славка, не глядя на девочек.

– Рита, пошли, – неуверенно произнесла Ольга, подхватывая подругу под локоть и проходя между ребятами. – И ты, Толь... Обещал же проводить?.. – неожиданно просительно, остановившись и с нескрываемым любопытством глядя на Славку, произнесла она.

– Я вас догоню, – отозвался Толька и, выждав, когда подружки немного отойдут, с угрозой произнес: – А ну, мелюзга, отбрызни...

И тут неожиданно для себя Сашка встал рядом со Славкой, вдруг ощутив их кровное родство и видя в широкоплечем боксере собственного соперника – Кольку Жбана.

– Это мы мелюзга? – выплеснул он нерассосавшуюся обиду. —

Оставь в покое Ольгу, она не для тебя...

– А ты еще откуда такой?..

Толька стремительно выкинул вперед руку с жестким кулаком, и Сашка не понял, как он очутился на земле. И уже снизу он видел сталкивающиеся, переплетающиеся ноги и тела, слышал разноголосый, нечленораздельный и невоспроизводимый крик, а потом вскочил, уступая место то ли Герке, то ли еще кому, и рванулся в гущу тел, в центре которой должен был находиться Толька, но вдруг оттуда что-то вырвалось, побежало по аллее, и следом разнеслась прерывистая дробь милицейского свистка...

– К сажелке! – услышал он Славкин голос и побежал следом за ним в темноту, под деревья, понимая, что вполне может заблудиться в этом совершенно незнакомом ему месте, и стараясь не отстать от пацанов, подгоняемых пугающей трелью и гроыханьем тяжелых ног, – и, может, оттого умудрился даже обогнать всех, не спуская глаз со Славкиной спины.

Наконец трель затихла, освещенная аллея осталась далеко позади, Славка замедлил бег, остановился, поджидая остальных. Сплюнул, потрогал челюсть, спросил шумно дышащего Сашку:

– Цел?..

Тот не успел ответить, подбежавший Герка лихо цвиркнул, произнес с присвистом:

– Зуб, зараза, выбил...

– Совсем? – зачем-то уточнил Славка.

– Не, – радостно отозвался тот. – Сломал... А он у меня слабый был, я им орехи щелкал...

Но зато я ему по шнобелю врезал...

Подбегавшие пацаны падали на траву, наперебой рассказывая, кто куда попал.

– Брательник у тебя ничего, – сказал вдруг Герка. – Не трус...

Из темноты донеслись голоса. Кто-то интересовался, стоит ли идти дальше, и враз при молкшие пацаны разглядели невдалеке смутные тени дружинников. Славка поднял руку, махнул вперед, и они молча, друг за другом, стараясь не шуметь и задыхаясь от невысказанных впечатлений, побежали в сторону дыры в кирпичном заборе, через которую ближе всего было к сажелке...

На следующий день за Сашкой приехала мама. Сашкин ядреный синяк и Славкину вспухшую губу они списали на вечернее неудачное ныряние в сажелку, испачканную одежду – на товарищескую борьбу (за что все равно получили взбучку, и дядя Гена явно не поверил их рассказам). Детально обсудить происшедшее и выработать стратегию на будущее им не дали, и лишь спустя несколько месяцев Сашка узнал, что Толька пацанов (как обещал, убегая) по одному так и не изловил, потому что через несколько дней его отправили на спортивные сборы,

потом на соревнования, вернулся он только в сентябре, пацаны уже ходили в школу, а он работал, и их дороги никак не пересекались, а потом его забрали в армию, и он укатил на Балтийское море, так как сам изъявил желание служить на подводной лодке. Славка стал гулять с Ольгой, нисколько не смущаясь того, что она выше ростом, и бесстрашно отгоняя от нее желающих закадрить. Порой она даже позволяла ему поцеловать себя, хотя все еще считала маленьким.

Об этом Сашка узнал в свой зимний приезд в Смоленск...

...Пионерский лагерь, где он провел почти весь август, находился в сосновом бору, в сорока километрах от их города ниже по течению, возле деревни Беляево. Сашке не понравился режим, минутное купание в отгороженной сеткой реке, не понравилась ежевечерняя долгая переключка возле флага, сопровождаемая беспощадными укусами комаров.

Понравился сухой, пронизанный солнцем и остро пахнущий смолой бор. Недалеко от лагерной территории, на берегу реки, в одну из самовольных отлучек (чтобы вдоволь накупаться) они с Витькой Заречным, с которым он подружился, нашли заросшие окопы (здесь наши солдаты в самом начале войны долго держали оборону и все до одного погибли, об этом им рассказал директор лагеря), облазили их, нарыли немало гильз и обязательно нашли бы еще что-нибудь более существенное, если бы не надо было делать это тайком и смена длилась бы дольше.

А еще ему понравилась пионервожатая Лика, она училась в педагогическом институте в Смоленске. У нее были веселые глаза и мелкие ямочки на щечках, когда она улыбалась. Лика выделяла его, позволяла нарушать режим и на прощальном костре увела за домики и учила целоваться. А еще она разрешила Сашке потрогать не вмещающиеся в ладони жгучие бугорки груди, которые под его пальцами становились упругими...

Вернувшись из лагеря, Сашка вместе с Вовкой Коротким (он уже вернулся из Ярославля и заявлял, что Волга лучше их реки) хотел сходить на городские танцы, но тот его отговорил, объяснив, что одному или вдвоем лучше на той стороне не появляться и тем более девок заречных не приглашать, потому что небитым потом не уйдешь, и если уж идти, то вместе со взрослыми парнями. Но те все никак не могли собраться, и в конце концов желание перегорело.

Пару раз они сходили вдвоем на дадоновской лодке вверх до Ястребской головки на рыбалку, но поймали совсем мало. Потом Вовкин отец, вернувшись с заработков, взялся ремонтировать сарай и заставил Вовку ему помогать.

Катя тоже на лето куда-то уехала. Сашка каждый вечер прогуливался возле ее дома и однажды столкнулся с Беликовой: она за лето сильно изменилась, почти догнала его ростом (хотя еще весной была на полголовы ниже), грудь у нее стала оттопыриваться, а коричневые от загара ноги приобрели округлость. Но самое главное – в ее глазах появился странный блеск, а большие яркие губы теперь все время чему-то улыбались.

Беликова встрече обрадовалась, сообщила, что Катя еще не приехала из Подмоскovie (у нее там родня по отцовской линии), рассказала, что все лето провела с отцом, ездила с ним и в Псков, и в Новгород, помогала восстанавливать старые картины и теперь знает, куда пойдет после школы учиться, и вообще было так интересно, с ними ездили студенты-практиканты, будущие художники, очень талантливые, веселые... А почему он такой грустный?.. Плохо отдохнул?..

Ну почему, в пионерлагере тоже можно отдохнуть, хотя, конечно, режим, дисциплина – занудно, другое дело вот так, как она: новые города, встречи...

– Не торопишься?..

И тут же подцепила его под руку (раньше она так никогда не делала и он никого так не держал), повела к берегу, продолжая рассказывать, как это сложно – восстановить старую картину, на которой ничего разглядеть невозможно, какое должно быть внимание, терпение...

– А я зато с пионервожатой целовался, – вдруг выпалил Сашка.

Беликова придержала шаг, убрала руку, отстранилась, вызывающе глядя на него, то ли оценивая, то ли показывая себя, уверенная, что неплохо выглядит в белоснежной кофте, короткой черной юбке (из-под которой под порывами ветра выглядывали белые трусики), выставив вперед правую ногу, словно демонстрируя аккуратные белые, почти взрослые туфельки...

– С пионервожатой?.. Подумаешь... В меня один художник взрослый влюбился...

– А я целовался...

– А он меня на руках носил...

– Потому что ты легкая, – неожиданно заявил Сашка, чувствуя волнение и противоречивое желание.

Сумерки становились все гуще, хорошо видимый отсюда паром уже начинал терять очертания, а звуки разносились над водой все отчетливее. На той стороне возле лодок купалась парочка. Мужчина в воде обнимал женщину, и сюда отчетливо доносился ее воркующий голос...

Сашка вдруг понял, что изменилось в Беликовой. Многообещающий блеск ее глаз неудержимо манил, вызывал сердцебиение, и он, не в силах сопротивляться этому зову, протянул руку, намереваясь дернуть Беликову за короткую косу (в которую превратились две привычные косички), но неожиданно для себя нежно провел по волосам ладонью, вдохнул тонкий запах прогретых душистых трав и, теряя ощущение реальности, быстро впился губами в полураскрытые алые губы Беликовой (оказавшиеся неожиданно сладкими) и тут же, отстранившись, выпалил:

– Целоваться интереснее...

Беликова отвернулась, ничего не говоря, прошла к скамейке (с которой когда-то они с Катькой наблюдали за тонущими одноклассниками) и негромко сказала:

– Ты мне нравишься, Саша... Но тебе же нравится Катя?.. Хотя она тебя совсем не любит...

– А я, может быть, ее тоже не люблю, – с вызовом произнес он, подойдя к скамейке, и, стоя напротив, стал разглядывать округлившиеся плечи, длинную, тонкую (вызывающую неведомое прежде чувство нежности) шею и вытянутую вперед красивую ногу в очень даже красивой туфельке. И признался: – Ты мне сейчас тоже нравишься...

– Больше, чем пионервожатая?

– Пионервожатая?.. – хмыкнул он. – Она – старуха. Это я так...

Мне нравилась в Смоленске одна девчонка, за ней все парни там ходят, – вдруг вспомнил он Ольгу. – Дерутся даже из-за нее.

– И ты тоже дрался? – вскинула глаза Беликова.

– Я?.. – Сашка помедлил. Вспомнил Толю-боксера и сказал: – Дрался... С хахалем одним, взрослым... Привязывался к ней...

– Правда? – Беликова вскинула глаза, вытянула шею, раскрыла рот, и Сашка, наклонившись, чмокнул ее в теплые сладкие губы, потянул ее за руку.

– Пойдем, погуляем. – И деловито добавил: – Он от нас сбежал...

– Так ты был не один?

В голосе ее прозвучало разочарование.

– Я тебе говорю, он взрослый. Боксер, – обиженно произнес Сашка, отпуская ее руку, но она не позволила, перехватила своей, горячей, сильно сжала и шепотом, прижавшись к нему, спросила:

– Ты страдаешь?

– Почему? – удивился он.

– Ну как же, разлука, – протянула она. – Ты – здесь, она – в Смоленске...

– А у нее там есть парень, – смутился Сашка.

– Значит, она тебя не любила, – сделала вывод Беликова. – А я о тебе вспоминала. Даже когда меня на руках носили... А ты обо мне?

Она остановилась, приблизила лицо, и он не отвел взгляда, кивнул, потому что сейчас ему казалось, что он действительно вспоминал о ней, хотя на самом деле ни разу даже не подумал.

– Врешь, – вдруг сказала она, увернувшись от поцелуя, но руку не отпустила, решительно повела за собой на улицу, мимо Катькиного дома, к каменному мостику, за которым жила. И здесь, уже в полной темноте, остановившись у калитки, сама обхватила его за шею и поцеловала долгим до головокружения поцелуем и ускользнула, прошелестев: «До свидания», оставив Сашку в растерянном и радостном возбуждении...

Он чувствовал себя окрыленным, сильным, уверенным, ему даже захотелось заглянуть к угрюмым братьям Григорьевым, в маленьком оконце которых тускло светилась керосиновая лампа, – теперь он их совсем не боялся.

Он не мог не зайти к Вовке Короткому.

Тот согласился прогуляться, сообщив, что наработался за день, но все-таки они прошлись по берегу. Он без особого интереса выслушал Сашку и веско резюмировал все услышанное:

– Они сейчас зреть начинают, бабами становиться... А мы – мужиками... Ты что, еще не мучаешься по утрам?

Ощущая, что краснеет, Сашка промямлил:

– Когда писать хочется...

– А у меня с одной девахой чуть не получилось, – оживился Вовка. – Я по Волге на барже ходил, с дядькой. А его помощник дочку с собой брал, она в шестой перешла. Мы с ней так нацеловались, что не хочу... И раздевались до трусов. Нам батька ее помешал...

– А она что, сама раздевалась? – удивился Сашка.

– А то... Я ей понравился.

– Я Беликовой тоже нравлюсь, – прошептал Сашка. – Только ты никому не болтай.

– Могила, – отозвался Вовка. – Гуляйте, мне что, жалко? Мне больше Катька нравится...

...С Беликовой они теперь гуляли каждый вечер, но не допоздна.

Надина мать была строгой (да и Сашкина тоже не стеснялась по вечерам кричать его на всю округу). Они просиживали на скамеечках или, спрятавшись в зарослях сирени, целовались подолгу и до боли.

Вовка догадливо вздыхал, провожая взглядом принаряженного друга, и неохотно шел помогать отцу. Малышня уже заметила их и не давала проходу, обзывая женихом и невестой, и Надя каждый раз выбирала новый маршрут, но и на самых тихих улочках всегда находились любопытные глаза, и скоро вся правая сторона знала о том, что малой Жовнер и дочка художника из Смоленска дружат всерьез.

Приехала Катька. Надя зашла за ней, и они вместе пришли к реке, где ждал Сашка. Катя тоже изменилась. Она стала еще выше и теперь почти догнала Вовку Короткого, грудь у нее была больше, чем у Нади, бедра – шире, и когда они стояли рядом, Катя выглядела старшей сестрой. Коричневые глаза словно смеялись, разглядывая все вокруг, их нельзя было не заметить, как и роскошную русую косу до пояса, и Петька Дадон, пробегающий мимо них к парому, не удержался:

– Ну, Катюха, ты совсем заневестилась... Погодь меня, в армию вот схожу... По-соседски и сойдемся...

– А я в жданки не играю, – весело ответила та. – И здесь оставаться не хочу...

– Ну да, принца ждешь, – прокричал тот, сбегая по тропинке. – А принцы только в сказках, глупенькая...

– Это для тебя...

С Сашкой Катя поздоровалась кивком головы, продолжая слушать восторженный рассказ подруги, и когда та замолчала, ожидая такого же монолога о происшедшем за время, пока не виделись, сказала, что отдыхала на дачах под Москвой, была великолепная компания москвичей, все перезнакомились, подружились, обменялись адресами.

– Понравился кто-нибудь? – не сдержала любопытства Надя, совсем забыв о стоящем возле них Сашке.

– Понравился, – вскинула черные густые брови Катя. – Будущий офицер...

– Такой взрослый? – удивилась та. – Целовались?

– А ты все хочешь знать?

Катя фыркнула, побежала по тропинке вниз к воде.

Надя заторопилась следом, а Сашка остался, присел на скамейку, мысленно сравнивая тонкую и угловатую Надю и притягательновысокомерную Катю...

Теперь по вечерам они стали ходить втроем. Подруги без умолку щебетали, а Сашка дулся и злился. Надя уже не казалась ему такой необычной, а Катю все больше хотелось поцеловать, но одновременно он стеснялся идти с ней рядом из-за роста. Как правило, он держался на некотором отдалении от них, в разговор вступал неохотно. Порой перехватывал заинтересованные взгляды Кати и по ним догадывался, что об их отношениях с Надей она все знает. И, скорее всего, знает и о пионервожатой Лике, и об Ольге... От этих взглядов ему становилось необъяснимо радостно, и он думал, что обязательно подрастет, нагонит Катю, и тогда ни неведомый курсант, ни Колька Жбанов (никуда летом не ездивший, подрабатывавший в сплавной конторе матросом, загоревший до черноты и накачавший мускулы так, что теперь на него заглядывались даже старшеклассницы) не смогут ее никуда увезти. А он будет носить ее на руках...

Потом прогулки кончились, наступил сентябрь, состоялась первая школьная линейка, на которой все с трудом узнавали друг друга и удивлялись, какими они стали, а Колька Жбан предложил отметить это событие у него, и они в первую учебную субботу почти всем седьмым «б» пошли к Жбану в гости, пили вишневую настойку, приготовленную его матерью-медсестрой такую крепкую, что пацаны разбрелись потом по пляжу, оставив девчонок одних, и только поздним вечером, когда по городу забегали родители, стали приходить в себя.

Мать Жбана удивлялась, что дети такие слабенькие (ее Колька ходил как огурчик, хотя выпил не меньше остальных), передавала их взволнованным родителям, и Надя вместе с Полиной провожала домой Сашку. По дороге они все время о чем-то говорили между собой, но Сашка ничего не понимал, потому что думал о Жбане и Катке, которые, раздевшись, обнимались на пляже возле деревянного ледореза и целовались так, что далеко было слышно...

А на следующее утро приехал дядя Семен.

Дядька из Сибири

Он был высокий и крепкий, и мать почти спряталась в его объятиях, а Сашка полетел под потолок, не успев ничего ни понять, ни испугаться, потому что дядю Семена он помнил смутно и совсем другим, тот гонял его, маленького, от берега, когда рыбачил. А еще он помнил, как дядю провожали в армию и взрослые женщины плакали за столом в дедушкином дворе, потому что армия была где-то так далеко, что дядя Семен не смог приехать ни на похороны деда Ивана, ни на похороны бабки Марфы. И вот теперь он опустил его на пол, стоял, обдавая густым запахом одеколона, белея накрахмаленной рубахой, а мать уже суежилась, собирая на стол, и отец чинно присел на лавку, готовясь выслушать женину родню.

– Ну, ты уже совсем большой. – Дядя Семен оглядел Сашку еще раз. – Хорошо, что не стал ничего покупать... Полина! – повернулся к сестре. – Я тебе денег дам, ты моему племяннику, чего надо, купи...

– Сем, да ничего не надо....

– Ладно, я знаю...

Он вскинул на стол большой фанерный чемодан, распахнул его, стал доставать красивые блестящие плитки шоколада (такие Сашка видел в Смоленске в большом магазине), потом бутылки с невиданными наклейками, и тут уже Иван зачмокал губами, стал разглядывать.

– Армянский коньячок, наилучший, в Москве брал, – пояснил дядя Семен. – А это тебе, Поль... – вытащил яркий, в красных цветах, отрез. – Платье сшей... Пока я тут буду...

Полина всплеснула руками.

– Дорогой ведь...

– Не дороже денег, сестренка!

Достал коробку с нарисованной на ней спиннинговой катушкой, протянул Ивану.

– Это тебе... Щук-то ловишь?

– Бывает, – отозвался тот и неторопливо раскрыл коробку, вытащил блестящую большую катушку. – В самый раз угадал, а то все из строя вышли... Ленинградская...

– Я тебе еще чего вышлю в посылке, – махнул рукой дядя Семен. – Я всем вышлю... Не переть же через всю страну...

И засмеялся недосказанному.

– А я коньяк один раз всего и пробовал, – сказал Иван, вертя в руках бутылку. – В сорок пятом, в Риге. Там склады штабные растаскивали, и нам маленько перепало... Но другой был... Французский...

– Понятное дело, у них откуда армянский, не дошли...

– Клопами пахнет...

– Это смотря как пить. Если кружками, то точно... А я привык. Но у меня есть и беленькая... – Из бездонного чемодана он вытащил две прозрачные бутылки с длинными горлышками. – «Столичная», самого высокого качества.

– Не пил, – признался отец. – Мы тут все самогон потребляем...

– Ну-ка, подставляй ладони. – Дядя Семен сложил четыре плитки шоколада, протянул Сашке. – Держи, с друзьями поделишься...

– Зачем так много? – Полина поставила на стол шкворчащую яичницу. – Сынок, ты их спрячь, помаленьку бери.

Сашка помялся, поглядывая на мать, потом ушел в свою комнату.

– Брось ты, сестренка, пусть пацан наедается. Надо будет, еще купим... Что вы, в самом деле, жлобствуете. На, держи... – Широкой мозолистой ладонью он подхватил остальные плитки, выложил на стол, ловко развернул одну. – Коньяк им закусывают...

– А мы не жлобствуем, – скрывая обиду, возразила Полина. – Только на мои шестьдесят и Ванькины восемьдесят широко не разбежишься... Да и не бывает у нас такого, не завозим... Кто покупать-то станет?... Коньяки у нас только начальство пьет, а шоколад их дети едят.

– Ладно тебе, – насупился Иван. – Посуду давай.

Полина выставила стопки.

– А рюмок нет? – поинтересовался Семен.

– Не разжились за ненадобностью, – отозвался Иван, открывая бутылку «Столичной».

Вышел Сашка.

– Мам, я пошел.

– Куда?... – спросила Полина. – А завтракать?

– На рыбалку... Я шоколадку взял...

– Давай, племяш, продолжай традицию, у нас в родове все рыбаки...

– Семен проводил Сашку взглядом. – Я уезжал, он ведь во был, – показал рукой ниже колена. – Бежит время... Это сколько ж я не приезжал?..

– Лет десять, – вздохнула Полина, присаживаясь рядом с мужем и любовно глядя на брата. – Уж мамку пять лет как похоронили.

– Не мог, сестренка, приехать, не мог...

Семен налил в рюмку коньяку, посмотрел на Полину.

– Тебе чего?

– А давай этого твоего, попробую... Чего его так начальство любит?..

– Полезно... А насчет клопов – привыкаешь и не чуешь...

– Только немного. – Она придержала бутылку за горлышко.

– Давайте помянем мамку с папкой, – поднял стопку Семен.

Выпили не чокаясь, молча закусили.

– А я дом-то ваш не видел толком. – Семен покрутил головой. – Справный дом... Поросья держите, вижу...

– Курей еще... – подсказала Полина.

– Картоху садите...

– А без нее не проживешь.

– Давай за встречу, – разлил Иван.

– Давай.

На этот раз звонко чокнулись, и Полина недопила, отполовинила.

– А чего так? – поинтересовался Семен. – Сегодня выходной вроде. Всесоюзный.

– Да хозяйство ж... И к портнихе схожу. – Полина кинула взгляд на отрез, лежащий на подоконнике.

– Это надо... Это понятно, женский нетерпез...

– А ты женился или все один, как бобиль?

– Один остался. – Семен посерьезнел, потянулся за бутылкой. – Давайте по третьей, как положено, за нас, а потом беги к своей портнихе...

Выпил, не ожидая остальных, зажевал долькой шоколада.

– Когда батя помер, я телеграмму-то через неделю только увидел.

Мы тогда на трассе были, в тайге, ЛЭП ставили, торопились до весны закончить, пока земля мерзлая, вкалывали без выходных... И связь с миром – от вертолета до вертолета. Домой вернулся, а уже и девять дней скоро. И помянуть нечем, сухой закон у нас был...

Он помолчал, вертя в руках рюмку.

– А когда мамка померла, телеграмма вовремя пришла, я отпуск мигом оформил, на аэродром начальник на своей машине отправил, а тут запуржило на четыре дня. Все четыре просидел в вагончике дежурного – ни одного борта, даже грузового... Вот так получилось...

Поднял голову, взглянул на Полину.

– Завтра сводишь... Нет, сегодня давай к ним ходим.

– Ходим, – согласилась Полина. – Как жил-то?.. Я Сашку попросила, чтоб показал на карте в учебнике, – далеко-о... Там же холодно, и зима все...

– Привыкаешь... Служить-то меня в Комсомольск-на-Амуре привезли. Дальше только Колыма да Сахалин. Там и демобилизовался.

Домой собрался вернуться, да Зинку зацепил. Она в столовой работала. Пацан у нее маленький был... Два года мы с ней пожили.

– Пацан твой, что ли?

– Да нет, от первого ее... Она потом с ним опять и зашурымурила.

Я по снабжению в партии геологической работал, разъезды частые, а они опять и спелись... Я рассчитался, в поезд сел, решил: все, домой еду. А в вагоне-ресторане с одним вербовщиком разговорился, тот и уболтал. Чуть за Байкал переехали, я и сошел с ним. Есть там такая речка, Мамакан. Вот на ней гидростанцию мы строили. Там я трассу под ЛЭП и бил... Там и на аэродроме сидел. И с Иркочкой жить начали.

Сейчас покажу...

Он снял с гвоздя на стене пиджак, вытащил из внутреннего кармана объемистый бумажник, достал оттуда фотографию, протянул Полине.

– Красивая, – сказала та, передала Ивану.

Тот посмотрел, вернул Семену.

– Гарная дивчина. Хохлушка, похоже...

– Хохлушка. – Семен вздохнул. – Из Одессы.

– Ну и чего же ты с ней не приехал? – поинтересовалась Полина и догадливо добавила: – Не слюбились?..

– Слюбились. Только детей вот нет... Болеет она.

– Так лечиться надо...

– Лечилась... И на моря мы с ней ездили, и в санатории... Эскулапы говорят, надежды никакой... – Он повесил пиджак. – Уехала она прошлой зимой к себе в Одессу.

– Как уехала?

– Сказала, что не хочет мне жизнь ломать, я ж все о сыне ей талдычил, пока не разобрался, что к чему... Она – на юг, а я – на север подался от тоски, новую гидростанцию строить, заполярную. Оттуда вот сейчас и прибыл. У нас лето уже кончилось, дай, думаю, еще зацеплю кусочек, два года уже из снегов не выбирался. У меня ж путевка через неделю, на Кавказ, ванны-грязи принимать...

– А я думала, ты совсем вернулся.

– Не-е, сестренка, засосали меня снега, а может, деньги большие...

Я ведь копейку не считаю... Живу, как хочу... В батькином доме, ты писала, Мишка с семьей теперь?

Полина кивнула.

– Я на него особо уже не в обиде и, как писал, от своей доли отказываюсь. Только в твою пользу.

– Да пусть, Сем, живут. У него две девчонки... Да и вам пора помириться, братья все ж таки... Кровь родная.

– Помиримся, я зла не держу. Но и не забыл ничего...

– Ты тоже виноват...

– Ладно, встретитесь – разберетесь, – вмешался Иван. – Дело житейское... У нас тут и сейчас каждый выходной брат на брата по пьяни кидается... – И уточнил: – Так, говоришь, большие деньги зарабатываешь?

– Нормальные... На все хватает. Там у меня жить есть где, у нас же рыбалка, охота – не сравнить с вашей... Вот думаю лодку купить, мотоцикл «Урал» с коляской, а то машину взять, записался на очередь.

– А чем же ты занимаешься?

– Бригадир я. На Мамаканской бетонщиком был, разряд у меня самый высокий, а сейчас плотниками команду, поселок пока строим. Поставили на главное направление... Я в десанте был в числе первых. Высадили нас с вертолета: скала над рекой, тайга жиденькая, с Мамаканской не сравнить, и ближайшее жилье за сто верст с гаком.

Игарка да Дудинка. И Норильск чуть дальше. До первых двух по воде можно, а в Норильск только вертолетом... Слышал про такие города?

Иван покачал головой.

– Игарка – на Енисее порт такой речной, лес там грузят на корабли морские, а те везут на материк... Дудинка тоже недалеко. А Норильск – большой город, дома кирпичные, высотные, красивые... И магазины большие, и в них все есть...

– Как это все? – перебила Полина. – Прямо все-все?..

– Из продуктов все. Колбас сортов двадцать, а то и больше, мясо всякое, даже оленина бывает... Ну, зверь там такой живет, навроде лося. Рыбы валом всякой. Шоколада, конфет – глаза разбегаются.

Вина разные, иностранные, консервы...

– Масло?

– И масло, конечно, фрукты даже зимой...

– А фрукты-то откуда?

– Привозят. Самолетами...

– А механизаторы тоже хорошо зарабатывают? – вмешался Иван.

– Не меньше моего. У нас же полярные, коэффициент... Сотни три, а то и больше получается...

– Ну да... – Иван налил Семену коньяка, себе водки. Полина прикрыла свою стопку ладошкой. – Давай за Сталина выпьем.

– С чего это ты? – вскинулся Семен. – Давно уж нет отца народов, а ты вспомнил...

Иван поднял стопку:

– Ладно, помянем и его, человек все-таки был... Благодаря ему, можно сказать, Норильск построили... Для которого мы теперь ГЭС строим. Вот тебе связь... Ты можешь за это выпить, а я – за свое.

Иван выпил, закусил.

– Он нам после войны жизнь как в раю обещал. Всем фронтовикам, говорил, работать не надо будет, пенсион ежемесячный за кровь пролитую выдавать станут, как сыр в масле кататься живые будут... Выжили мы, вернулись домой, оказалось, потерпеть надо, разрушенное восстанавливать, одни бабы, само собой, не справятся. Понятное дело, рукава засучили. И правда, скоро талоны отменили... Ты их не помнишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.